

ФИЛИП ЖИСЕ

ОКЕАН

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ ПЕЧАЛИ

Филип Жисе

Океан. Черные крылья печали

«Accent Graphics communications»

2013

Жисе Ф.

Океан. Черные крылья печали / Ф. Жисе — «Accent Graphics communications», 2013

Что ты будешь делать, когда самолет, в котором летела твоя девушка, потерпит крушение над океаном? Смиришься с судьбой, потерей любимой, и продолжишь жить, понадеявшись на время, которое все лечит? Что ты будешь делать, когда судьба сыграет с тобой злую шутку – самолет, в котором ты летела, потерпит крушение над океаном, но ты спасешься, оказавшись в спасательной лодке вместе с другими “счастливчиками” посреди океана с минимальным запасом еды, воды и пустыми надеждами на появление спасателей? Новая книга от автора романов “Перевоплощение” и “Влечение”. Книга удивительная. Книга жестокая. Книга правдивая.

© Жисе Ф., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Филип Жисе

Океан: Черные крылья печали

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть 1

Глава 1

"Angel¹" в исполнении Адриано Челентано² тихим шелестом утреннего ветерка проник в их окутанные теплым и нежным одеялом сна сознания, превращая сон в иллюзию, в легкое марево, стелющееся над горячей, изнывающей от недостатка воды землей.

Леопольдо зевнул, что-то промычал, открыл глаза и потянулся рукой к мобильнику на стуле, подпиравшем изголовье широкой двухместной кровати, взял его в руку и отключил будильник. Легкий стон донесся из-за спины. Леопольдо вернул мобильник на стул, развернулся и обнял Ангелику за талию. Девушка потянулась, пискнула и открыла глаза. Улыбка заиграла на ее красивом лице, когда взгляд больших карих глаз замер на Леопольдо.

– Buongiorno³, милый.

– Buongiorno, мой ангел, – Леопольдо провел ладонью по обнаженной спине Ангелики, приподнялся на локте и поцеловал девушку. – Пора вставать.

– Давай еще немного поваляемся, – Ангелика стянула с Леопольдо одеяло и закуталась в него, закрыла глаза, подложила ладони под подушку и заулыбалась. – Вставать совсем не хочется.

Леопольдо улыбнулся, навис над Ангеликой, как гора над долиной, и провел пальцами по тонкой и нежной коже ее щеки, намотал на палец черный локон ее волос.

– Ну, если ты хочешь опоздать на работу, – Леопольдо обнял девушку, чмокнул в лоб, затем поднялся с кровати. – Даю тебе еще пятнадцать минут, а я в ванную.

– Хорошо, – Ангелика открыла глаза и окинула обнаженного Леопольдо критическим взглядом. – Мне кажется, или ты действительно поправился?

Леопольдо посмотрел на себя сверху-вниз, хлопнул по небольшому животу и улыбнулся.

– Ты насчет этого?

– Ага. А помнишь, каким худышкой ты был, когда мы только начали встречаться?

– Да я и сейчас не очень уж и отличаюсь от того меня.

– Мне со стороны лучше видно, – улыбнулась Ангелика, пробежала взглядом по худощавым ногам Леопольдо, скользнула выше, на миг остановилась на спящем пенисе, перебежала на пивной животик и замерла на волосатой груди. Да, она не ошиблась, ноги – это единственное, что осталось прежним у Леопольдо. Даже пенис, казалось, стал меньше. С чего бы это? Может, из-за того, что вырос живот? Взгляд Ангелики снова устремился к пенису Леопольдо.

– Ты что там обнаружила? – Леопольдо хмыкнул, когда увидел, на что обращен взгляд Ангелики.

– Он у тебя стал меньше.

– Что? – растерянное выражение появилось на лице Леопольдо, голова опустилась, взгляд уцепился за собственное достоинство.

Ангелика прыснула, когда увидела, как растерянность на лице Леопольдо сменилась страхом.

– Что? Правда? – пробормотал Леопольдо, не отрывая взгляд от пениса.

– Мне так кажется, – широкая улыбка играла на лице Ангелики.

---

¹ Ангел (англ.)

² Итальянский музыкант, эстрадный певец, киноактер, кинорежиссер, композитор, телеведущий, общественный деятель

³ Доброе утро (ит.)

– Ах, тебе так кажется, – Леопольдо ухмыльнулся и приблизился к кровати. – Сейчас проверим.

Глаза Ангелики распахнулись, ротик приоткрылся.

– Ты что задумал?

– Увидишь, – Леопольдо вцепился рукой в одеяло и потянул его с тела Ангелики. Девушка взвизгнула и попыталась ухватиться за убегающее одеяло, но не успела; одеяло, влекомое рукой Леопольдо, скатом-мантой взмыло вверх и приземлилось на полу недалеко от кровати. Леопольдо схватил двумя руками Ангелику за лодыжки и подтянул ближе к себе, затем раздвинул девушке ноги и лег сверху.

– А как же работа? – хитрый огонек вспыхнул в глазах Ангелики.

– Когда вопрос касается чести мужского достоинства, работа подождет, – Леопольдо ухмыльнулся, коснулся губами соска Ангелики, накрыл рукой грудь, губы поцеловали шею.

Ангелика хихикнула.

– Ты чего хихикаешь? – Леопольдо оторвался от шеи Ангелики, взгляд голубых глаз устремился к глазам девушки.

– "Когда вопрос касается чести мужского достоинства". Никогда не думала, что у мужского пениса есть честь, – сказала Ангелика и рассмеялась.

– Ах, ты ж, – Леопольдо впился губами в губы Ангелики, ладонь сдавила ее грудь, отпустила и заскользила по телу девушки.

Ангелика пискнула, ударила кулачком по плечу Леопольдо, но быстро сменила гнев на милость: одна ладонь легла на затылок, вторая на спину Леопольдо, ноги обхватили его ягодицы. Стон, тихий и робкий, вырвался из груди девушки, пронесся над их телами, поднялся выше, ударился о белый как вата потолок, раненной птицей упал на одежный шкаф, стоявший в дальнем углу комнаты, отряхнулся как собака от пыли и выскочил на улицу через приоткрытое окно.

Леопольдо провел ладонью по лбу девушки, по волосам, черным, как ночное небо, и пышным, как свадебный торт. Сердце зачастило, понеслось как ненормальное, неизвестно куда, неизвестно зачем. Огонь окатил нутро, грозя сжечь, не оставить ничего кроме пепла да обрывков памяти. Леопольдо чувствовал, как его охватывает волна нежности и ласки к этой милой, удивительной девушке, к девушке, заставлявшей его сердце полыхать огнем вот уже почти два года. Удивительно, но за эти два года, что они вместе, его любовь нисколько не ослабла, наоборот, только усилилась. Говорят, быт убивает чувства. Странно, но с ним ничего подобного не случилось. Его любовь к Ангелике изо дня в день только крепла, весна продолжала буять в его сердце, обещая вечное лето в будущем. Почему-то именно сейчас из закутков подсознания выплыли воспоминания об их первой встрече. Яркие, как Полярная звезда на темном небе, отчетливые, как след на снегу, они горели в его мозгу, волновали сознание, привлекали внимание так же верно, как красный свет светофора.

Ангелика была журналистом. Еще до встречи с Леопольдо по роду своей деятельности ей часто приходилось сотрудничать с итальянскими журналами и газетами, писать статьи, обзоры о питании, диетах, здоровом образе жизни. Одним из таких журналов был небольшой журнал маленького итальянского городка Ареццо, который назывался просто, но со вкусом – "Buon appetito!"⁴. Именно в редакции этого журнала работала и мать Леопольдо. Однажды зайдя на работу к матери Леонардо увидел девушку, красивую, с великолепной спортивной фигурой, приятными и очень нежными, похожими на детские чертами лица. Ямочки на щеках, маленький носик с едва видимым горбиком, чуть заметная россыпь веснушек, маленькие ушки, прятавшиеся за прекрасными локонами густых волос. Он влюбился в нее сразу. Чувствовал: на

---

⁴ Приятного аппетита! (ит.)

всю жизнь. И сейчас, глядя на ее влажные губы, ощущая жар ее дыхания, чувствуя телом бие-ние ее сердца, понимал, что в жизни случается выиграть джек-пот.

Леопольдо запустил руку Ангелике в волосы, губами прижался к ее щеке, потянул носом и наполнил легкие сладким ароматом ее тела.

– Я люблю тебя, моя волшебная любовь, – шепнул он ей на ушко.

Ангелика открыла глаза и улыбнулась.

– А я тебя.

Их губы встретились в страстном порыве двух сердец стать одним целым. Настоящее исчезло, растворилось в том клубке яростной энергии, в которую превратились их тела.

Леопольдо вошел в Ангелику, быстро, глубоко. Девушка вскрикнула, ее ноги обвили-сь вокруг бедер Леопольдо, пятки уперлись в ягодичы, контролируя глубину проникновения.

– Все нормально? – встревожился Леопольдо.

– Да, – слабый шепот донесся до его ушей. – Знаешь, все же мне показалось.

– Ты про что?

– Про длину твоего мужского достоинства.

– Даже не сомневался, – хмыкнул Леопольдо, забросил ноги Ангелики себе на плечи и задвигал тазом.

Тишина растаяла как мороженое в тепле. Стоны и всхлипы наполнили квартиру, замета-лись птицами из стороны в сторону, застучали по белым стенам как дождь по лужам.

Когда все закончилось, они какое-то время лежали, не двигаясь. Ангелика повернулась к Леопольдо спиной и закрыла глаза. Леопольдо же прижался телом к ее телу и рисовал пальцами замысловатые фигуры на влажной спине девушки. О работе никто не думал, будто забыли. Наконец Ангелика взяла со стула мобильник Леопольдо и посмотрела на экран.

– Скоро семь.

– Не так уж и плохо, – Леопольдо провел рукой по ягодичам Ангелики, поцеловал девушку в затылок и поднялся с кровати. – Я ушел в ванную. Ты как хочешь, а мне через час надо выйти из дому.

– Я с тобой.

– Догоняй.

Леопольдо покинул комнату, прошел по коридору и скрылся в ванной комнате, через минуту к нему присоединилась Ангелика.

Было начало девятого, когда они вышли из квартиры в одном из домов на Виа Витторе Карпаччио, спустились на улицу и оказались в объятиях теплого июльского солнца.

– Buongiorno, Леопольдо! Buongiorno, Ангелика! – услышали они, едва подошли к машине, темно-синей "альфа ромео", втиснувшейся между стареньким "рено" и новенькой "ауди".

Обернувшись на голос, они увидели недалеко от себя старика в серых брюках и зеленой рубашке с длинным рукавом. Тот стоял, оперевшись об ограду, окружавшую дом, и улыбался. В одной руке старик держал палочку, в другой сигару. Время от времени он подносил ее ко рту, и тогда облачко белого дыма устремлялось к небу, словно желало присоединиться к тем белесым невесомым островкам, что бороздили небесные просторы в эти утренние минуты.

– Buongiorno, синьор Гацци! – воскликнули в унисон Леопольдо и Ангелика, улыбнулись и подняли руки в приветственном жесте.

– Как ваше здоровье, синьор Гацци? – спросила Ангелика, открывая дверцу автомобиля и кладя сумочку на пассажирское сиденье. – Вижу, вы снова с сигарой. Не бережете вы себя, синьор Гацци. Совсем не бережете.

– Как же не берегу? Конечно же, берегу. Видишь, дорогая, курю не в квартире, а на свежем воздухе, – старик рассмеялся и дернул за козырек кепки.

– Эх, синьор Гацци, после смерти вашей жены вы совсем перестали заботиться о здоровье. Вам нужен кто-то, кто бы о вас позаботился. Какая-нибудь милая симпатичная старушечка, – Ангелика улыбнулась и отбросила в сторону непослушную челку, затем повернулась к Леопольдо за поддержкой:

– Правда, милый?

Леопольдо ничего не сказал, лишь улыбнулся и посмотрел на старика.

– Знаете, синьор Гацци, Леопольдо до встречи со мной тоже любил покурить, а сейчас вот уже второй год как не курит.

– Ну, если бы рядом со мной была такая милая и симпатичная синьорина, тогда, может быть, и я не курил бы, – старик улыбнулся, затянулся и пустил колечко дыма.

Парочка воробьев затеяла ссору на ограде в нескольких метрах от синьора Гацци. Тот махнул палкой и крикнул:

– А ну, чего раскричались, словно живете вместе не один год?

Летите, устраивайте ссору в другом месте.

– Ангелика, честно признаюсь, я бы давно бросил эту пагубную привычку, но на то она и привычка, так легко не отделаешься, – старик вновь устремил взгляд на девушку.

– Но вы бы хотя бы попробовали, синьор Гацци. Вы же даже не пробовали.

– Пробовал, – кивнул старик. – Раз тысячу, никак не меньше. Еще когда Бьянка жива была. Не так-то это просто, особенно когда у тебя отношения с этой проклятой привычкой крепче, чем с женой. С Бьянкой мы прожили вместе сорок пять лет, а курю я все пятьдесят пять.

– Сорок пять лет. Ты слышал, Леопольдо? И я хотела бы, чтобы мы с тобой прожили не меньше сорока пяти лет. А ты хотел бы?

– Конечно, хотел бы, – рассмеялся Леопольдо. – Два года мы с тобой уже прожили, осталось как минимум сорок три года.

– Почти прожили, – поправила Ангелика.

– Почти, – согласился Леопольдо. – Но скоро будет два... Эй, Ангелика, двадцать минут девятого. А мне еще тебя надо на работу отвезти. Когда же я сам туда попаду?

– До свидания, синьор Гацци. Нам пора. Поговорим в другой раз, – Ангелика махнула старику рукой на прощанье и исчезла в салоне машины.

– Всего хорошего, синьор Гацци, – крикнул Леопольдо, махнул старику и забрался в машину.

Мгновение спустя двигатель "альфа ромео" фыркнул, заурчал. Машина тронулась с места и покатила по Виа Витторе Карпаччио, дырявя бампером нарождающийся дневной зной.

На Виа Франческо Криспи Леопольдо высадил Ангелику, не забыв подарить на прощание жаркий поцелуй. Едва девушка исчезла в дверях редакции журнала "Bon appetit!", занимавшего первый этаж коричневого четырехэтажного здания, Леопольдо поддал газу и понесся по улицам Ареццо на Виале Джакомо Маттеотти, где находился офис юридической компании "Legge"⁵, в которой он занимал должность младшего юриста.

Едва Леопольдо оставил позади Виа Франческо Криспи, как мобильник, лежавший на приборной панели, ожил, экран загорелся, и салон машины наполнили первые аккорды "Chi Mai"⁶, известной композиции Эннио Морриконе⁷.

Леопольдо взял в руку мобильник и посмотрел на экран. Заметив, кто звонит, он нажал клавишу "прием" и поднес мобильник к уху.

– Привет, мамá.

---

⁵ Закон (ит.)

⁶ Кто бы ни... (ит.)

⁷ Итальянский композитор, аранжировщик, дирижер

– Лео, почему ты не зашел ко мне в кабинет? – донесся из динамика раздраженный голос матери Леопольдо, Паолы Витале. – Ты мать свою давно видел? Хотя бы позвонил, узнал, жива ли.

– Мама́, мы виделись неделю, быть может, две назад. Разве этого недостаточно? К чему ежедневные встречи?

– Ангелика изменила тебя, – Паола Витале проигнорировала вопросы сына, сосредоточившись на своем, на наболевшем. – Девушка девушкой, но о родителях тоже надо хоть изредка вспоминать. Давно ты был у нас дома? Сколько прошло? Месяц? Два? А ты говоришь: неделя. Даже не помнишь. Как начал встречаться со своей полентонэ⁸, родители сразу же отошли у тебя на второй план. Где это видано, чтобы так не уважали своих родителей? Раньше ты таким не был, Леопольдо. Раньше уважения к родителям у тебя было намного больше. Мы жили все вместе, и все у нас было хорошо, пока не объявилась эта твоя полентонэ...

Леопольдо скривился. И вот так уже на протяжении как минимум одного года. Мать недолюбливала Ангелику, а все из-за того, что, как она часто повторяла, "та увела у нее сына". Леопольдо не раз становился на сторону девушки, пытался объяснить, что ему не пятнадцать, он уже взрослый и вполне способен жить отдельно от родителей. Но такая позиция Леопольдо только сильнее настраивала мать против Ангелики. Паола Витале была убеждена, что не будь Ангелики, Леопольдо и дальше жил бы вместе с родителями. Леопольдо раздражал материнский эгоизм, воспринимаемый ею ни больше, ни меньше как проявление материнской любви. Даже отец Леопольдо, Умберто Витале, не раз поддерживал сына в его желании быть самостоятельным, да и пора уже было: тому шел двадцать восьмой год, но Паола Витале этого не понимала или, что более вероятно, не хотела понимать и даже принимать. Для нее Леопольдо оставался ее ребенком, пяти- или тридцатилетним, это было уже не так уж и важно.

– Мама́, мы про это уже говорили, и повторяться, думаю, не стоит...

– Стоит, – перебила сына Паола Витале, – конечно же, стоит. Я буду тебе это говорить столько раз, сколько посчитаю нужным, может, до тебя все же дойдет, что уважать родителей – это твоя первейшая обязанность.

– Мама́, я уважаю и тебя, и папу, и ты это прекрасно знаешь. Но также у меня есть Ангелика, которую я не просто уважаю, а люблю. Я не могу разорваться. Стараюсь по мере сил уделять внимание всем, и если у меня это плохо получается делать по отношению к вам с папой, то не из-за того, что я такой сякой и ни во что не ставлю родителей. Сама понимаешь, в какое время мы живем. Дом-работа, работа-дом. Я прихожу с работы уставший, мне хватает сил только на то, чтобы что-то бросить в рот и сразу же отправляюсь спать. На выходных же хочется отдохнуть, набраться сил перед новой рабочей неделей. На то, чтобы пойти в гости, часто нет ни времени, ни желания.

– Вот последнего, Леопольдо, у тебя действительно нет, – Леопольдо уловил в голосе матери явную обиду.

Вздыхнув, он произнес:

– Давай сделаем так, мама́. Я поговорю с Ангеликой, и если она согласится, тогда сегодня вечером мы придем к вам с папой на ужин. Договорились?

– А сам ты, что, уже не способен принимать решения? Так бы ты мать слушал как девушку. Но я-то мать, родная душа, а она – сейчас есть, завтра уже может и не быть. Девушка – не жена, ее ничего не держит. Сколько у тебя их было, и где они сейчас? Поди знай, а тоже девушки, между прочим, были.

---

⁸ Прозвище Северян в Италии, от "полента" – название популярного на севере страны блюда из кукурузной муки

– Это уже не важно, мамá. Сейчас у меня Ангелика. Мы с ней вместе уже два года. Хотя ты это и не принимаешь, но она моя фиданцата⁹. К тому же, мы живем вместе. Я люблю Ангелику, и когда-нибудь мы с ней поженимся.

– Ох, эти новомодные веяния. Не к добру это. Гражданский союз богом не предусмотрен. Это все от лукавого. Одного не понимаю, Леопольдо. Чем тебе девушки из Ареццо не нравятся? Зачем тебе эта полентонэ? Она даже говорит не по-нашему. Разве тебе мало наших девушек, Леопольдо? Смотри, какая красавица Софи, дочь моей подруги доньи Риччи. *Che bella*¹⁰! А хозяйка какая! И постирает, и погладит, и накормит. Ох, Леопольдо.

Леопольдо вспомнил дочку синьоры Риччи, Софи. Небольшого роста, с обвисшим животом, сутулую, с лошадиным профилем и неровными рядами зубов. Только очень пьяный синьор мог назвать ее красавицей. Разве можно было ее сравнить с Ангеликой, его беллой? Только в самом ужасном сне. Ангелика в отличие от большинства итальянок была настоящей красавицей, современной Венерой, ниспосланной богами на грешную землю дарить людям любовь и радость. Ангелика нисколько не походила на ту массу согбенных, глазастых и неряшливых соотечественниц, окружающих Леопольдо изо дня в день. Возможно, все дело было в том, что мать Ангелики родом была из Восточной Европы, из Украины, а славянки издавна славятся своей красотой. Но не только внешностью привлекала его к себе Ангелика. Нет, не только и не столько. При желании и упорном поиске симпатичную девушку можно было бы найти и среди его соотечественниц. Главное, что нравилось Леопольдо в Ангелике – ее характер. Ангелика виделась ему мягкой, заботливой, чуть капризной, но не эгоистичной. В общем, она была другой, не такой как все. Поэтому уже спустя месяц после их знакомства Леопольдо подарил Ангелике дешевенькое обручальное колечко, дабы другие знали, что эта красавица уже занята. Так Ангелика стала его фиданцатой, его невестой. И именно тогда он купил квартиру, правда, не без помощи родителей, и съехал с родительской квартиры, чтобы жить со своей волшебной амор¹¹.

Леопольдо слушал словоизлияния матери, а сам смотрел в окно и улыбался. Он свой выбор сделал давно, два года назад, когда только познакомился с Ангеликой, своей волшебной любовью, его фиданцатой. По правде говоря, у него было несколько фиданцат и до Ангелики. Но то было все несерьезно, так, поиграться, затащить в кровать, ничего более серьезного с ними он и не планировал. Он им даже колечки не дарил. Но когда он встретил Ангелику, все стало иначе. Она перевернула его привычный мир, из-за нее он покинул отчий дом, где прожил больше двадцати пяти лет своей жизни и впервые за свою холостяцкую жизнь начал подумывать о том, что Ангелика – девушка, на которой он женится. И ему было совершенно наплевать, откуда Ангелика родом – из Калабрии или из Ломбардии, да пусть даже из Африки. Важна была только амор. А вот амор у него была сильной. Часто он и сам удивлялся ее силе: подарки, прогулки, поездки к морю, собственноручно приготовленный ужин. И все это было не только тогда, в конфетно-цветочный период, но и сейчас, спустя неполных два года. Ничего не изменилось, разве что амор только усилилась.

Леопольдо остановил машину на светофоре, обратил внимание на двух донь пенсионного возраста, прогуливающихся в столь раннее время по тротуару. В элегантных юбках и блузках, с платочками на шее, сережками, тщательным макияжем, отпедикюренными ногами и отманикюренными руками. Эти две синьоры могли бы дать фору по части умения подать себя любой молодухе.

---

⁹ Девушка, невеста (ит.)

¹⁰ Какая красивая! (ит.)

¹¹ От аморе – любовь (ит.)

Светофор мигнул зеленым. Леопольдо добавил газу, машина тронулась с места. Дождавшись, когда мать сделает паузу, чтобы набрать воздух в грудь перед выбросом новой порции слов, Леопольдо произнес:

– Мама́, я приехал на работу. Увидимся за ужином.

– Не спеши, Лео. Я еще не все сказала. Хотела спросить: не мог бы ты сегодня прийти на ужин сам, без своей полентонэ?

– Ангелика, мама́, Ангелика! – крикнул Леопольдо. – Перестань называть ее полентонэ!

– Что ты раскричался на меня, Леопольдо? Подумаешь, обмолвилась.

– Знаю я твое "обмолвилась", мама́. Почему ты хочешь, чтобы я пришел один?

– Какая разница, почему хочу? Просто хочу пообщаться со своим сыном наедине. Разве это запрещено в наше время?

– Нет, мама́, не запрещено, только я хочу знать истинную причину твоего желания.

– Нет никакой истинной причины, Леопольдо.

– Я подумаю, мама́. Пока.

– Пока, милый.

Леопольдо закончил разговаривать и бросил мобильник на приборную панель. Как же трудно порой бывает разговаривать с собственной матерью.

– *И ведь не просто она захотела, чтобы я пришел один, без Ангелики?* – думал Леопольдо. – *Что она задумала? Как же я пойду без Ангелики? И чем займется Ангелика, пока меня не будет?*

Леопольдо дал по тормозам, когда ехавшая впереди машина остановилась. Вместе с ней остановилась и встречная машина, желтый "рено". Из окон высунулись головы. Леопольдо выругался. То ли соседи, то ли приятели решили выяснить друг у друга как дела. При этом они нисколько не озаботились тем, что их машины преградили дорогу.

Леопольдо посигналил. Послышались автомобильные гудки сзади, спереди.

– *Che cazzo vuoi*¹²?! – крикнул Леопольдо один из водителей, махнув рукой.

– *Va fa'n'culo*¹³! – закричал другой, размахивая рукой, словно готовился к взлету. – *Mille cazzi nel tuo culo*¹⁴!

– Уступите дорогу, – крикнул кто-то из водителей.

– *Ten'cazzo*¹⁵! – послышалось в ответ.

Раздался хохот, головы болтунов исчезли внутри салонов машин. Машины тронулись с места и покатали по брусчатке, давя колесами мелкую пыль.

Несколько часов спустя, уже сидя в своем кабинете, Леопольдо гулял взглядом по экрану мобильного и чувствовал странную неловкость. Надо было позвонить Ангелике и сообщить об ужине в доме его родителей. Делать же это ему совершенно не хотелось. В последние недели и даже месяцы Леопольдо стал избегать совместных семейных ужинов, не желая снова и снова выслушивать упреки матери в адрес Ангелики. Матери Ангелика не нравилась и вряд ли только из-за того, что девушка была из другой провинции. С этим синьора Витале со временем, конечно же, смирилась бы. Дело было в другом, а именно в том, что мать Леопольдо считала девушку недостойной парой своему сыну, так как та, по ее мнению, не раз слышанному Леопольдо, была карьеристкой, а значит, не сможет достаточно времени и внимания уделять ее любимому сыну. Леопольдо часто спрашивал мать, на чем аргументируются ее слова, на что синьора Витале голосом, полным возмущения, говорила: она никогда не сидит дома. Леопольдо пытался объяснить матери, что Ангелика журналист, у нее работа такая – не сидеть на

---

¹² Какого черта тебе надо? (ит.)

¹³ Пошел в задницу! (ит.)

¹⁴ Тысяча членов в твою задницу! (ит.)

¹⁵ Хрен тебе! (ит.)

месте. Если бы она сидела дома, то ее бы и в Ареццо не было, на что синьора Витале говорила: и было бы очень хорошо. В итоге Леопольдо начал все реже и реже ходить с Ангеликой в гости к своим родителям, да и звонить не спешил, зная, что мать не упустит возможности в который раз перемыслить косточки Ангелике.

Леопольдо решил, набрал номер Ангелики и поднос мобильник к уху.

– Ciao¹⁶, любимый, – мягкий и веселый голос Ангелики прервал череду длинных гудков.

– Buongiorno, мое сокровище. Как дела у моей принцессы?

– Хорошо, милый. Помнишь статью, которую я на прошлой неделе отправляла в миланскую "Corriere della Sera"¹⁷? Она будет напечатана в следующем номере.

– Великолепно! – воскликнул Леопольдо. – Мои поздравления, моя волшебная. Это надо отпраздновать. Я приготовлю спагетти Карбонара, откроем бутылочку "Гречетто", поставим диск, приглушим свет в комнате и будем танцевать, танцевать, смотреть на луну и пить изумительный Гречетто. Как тебе такой вариант вечернего времяпрепровождения?

– Разве я могу тебе отказать, милый? Жду скорейшего возвращения домой.

– Нет, нет, – вздохнул Леопольдо. – Сегодня мы праздновать не будем. Звонила мамá. Она обижается, что я... что мы не приходим в гости. Я сказал, что мы придем сегодня на ужин, но она почему-то именно сегодня хочет видеть меня одного. Ты не против, если я съезжу к родителям один?

– Если ты обещал.

– Нет, не обещал, сказал, что сначала поговорю с тобой.

– Хорошо, милый. Давай сегодня ты поужинаешь у родителей, а завтра устроим романтический ужин дома.

– Я люблю тебя, la mia principessa¹⁸, – улыбка появилась на лице Леопольдо.

– И я люблю тебя, милый.

– Заеду за тобой после работы, отвезу домой.

– Как скажешь, милый. Целую.

– И я тебя, моя любовь.

Леопольдо завершил звонок, засунул мобильник в карман брюк, после чего поднялся из-за стола и направился к выходу из кабинета.

Близилось время обеда.

---

¹⁶ Привет/пока (ит.)

¹⁷ Вечерний курьер – популярная итальянская газета

¹⁸ Моя принцесса (ит.)

Глава 2

Вечер склонил голову над Ареццо, словно ветхий старик над тарелкой с супом. Воркование голубей за окном монотонной музыкой доносилось до ушей Леопольдо, сидевшего за столом в кабинете и стучавшего пальцами по клавиатуре. Оставалось доработать последние пункты начатого утром проекта соглашения, и можно будет собираться домой, точнее, отвезти домой Ангелику, а самому ехать на ужин к родителям.

Леопольдо стукнул еще пару раз по клавиатуре, откинулся на стуле и посмотрел на две большие картины, висевшие напротив стола на стене. На одной была изображена базилика Санта-Мария-делла-Пьеве¹⁹, на другой – базилика Сан-Франческо²⁰. (разъяснение на следующей странице) Взгляд переместился в сторону и замер на вазонах, двух больших, уютно устроившихся по углам кабинета, парочке цветочных горшков на подоконнике, утопающих в ярких, насыщенных теплом и светом лучах заходящего солнца. С улицы донеслось ворчание автомобильных двигателей; кто-то спешил домой после рабочего дня.

– *Magnificamente*²¹! – воскликнул Леопольдо, взглянув на наручные часы.

Время перевалило за шесть вечера, сидеть и дальше на работе не было никакой необходимости, да и никакого желания. Как и любой здравомыслящий итальянец Леопольдо стремился к *dolce vita*, к сладкой, спокойной и веселой жизни, и старался избегать "*la vita e dura*", тяжелой жизни, а для Леопольдо, впрочем, как и для многих итальянцев, работа как раз и была частью *la vita e dura*. Конечно, избежать работы представлялось маловозможным, тем не менее, перерабатывать никто не стремился. Какая же это тогда будет *dolce vita*! Жизнь наоборот надо облегчать, подслащать, а напрягаются пусть дураки.

Леопольдо сохранил файл, с которым работал, выключил компьютер и обежал взглядом кабинет – небольшой, с минимумом мебели, но вполне уютный, затем поднялся со стула, подхватил со стола мобильник и покинул кабинет. У выхода из офиса он столкнулся с Адриано, коллегой-программистом. На голову ниже Леопольдо, широкоплечий, коренастый, с отложившимся жирком на талии Адриано был полной противоположностью худощавому, узкоплечему Леопольдо. Даже внешний вид их отличался. В темно-синих джинсах, разноцветной рубашке с коротким рукавом и открытым воротом, выглаженной и сбрызганной туалетной водой, в блестящих как собачьи яйца кожаных туфлях с длинным носком, Адриано больше походил не на офисного клерка, а на жигало с большой дороги. Улыбка до ушей, золотые цепочка с крестиком на шее и браслет на левой руке только усиливали сходство. Несмотря на то, что Леопольдо, как и многие из его соотечественников-мужчин, любил красиво выглядеть, любил показать себя, сравниться с Адриано ему было все же трудно. И объяснение этому было простым: Адриано любил жить на широкую ногу, к тому же он был холост и большей частью тратился только на себя. Леопольдо же не был холостяком, у него была фиданцата, для Леопольдо – все равно что жена, поэтому ему приходилось тратить деньги не только на свои потребности, но и время от времени удовлетворять потребности Ангелики. Когда-то Леопольдо тоже любил жить на широкую ногу, как и Адриано, сейчас же стал больше экономить, большей частью на себе. Поэтому не было ничего удивительного в том, что его внешний вид был не таким экспрессивным как у Адриано. Белая рубашка, галстук, брюки и кожаные туфли. И никаких украшений на теле, разве что серебрянная цепочка с маленьким крестиком на шее. Стиль Леопольдо, в отличие от стиля Адриано, был деловым и вместе с тем простым, ничего лишнего – все строго и регламентировано. Большой частью так ходят в больших городах, а не в маленьких городках

---

¹⁹ Католическая церковь в Ареццо

²⁰ Посвященный святому Франциску храм в Ареццо

²¹ Великолепно! (ит.)

на подобие Ареццо, но определенное влияние на стиль Леопольдо в одежде оказала Ангелика, которая была родом с индустриального Севера Италии. Деловой стиль в одежде там был обычен и даже предпочтителен по сравнению с центральными регионами страны и тем более в сравнении с итальянским Югом.

– Как дела, Леопольдо? Отлично выглядишь! Какой красавчик! – Адриано цокнул языком и зачем-то закатил глаза.

– Отлично, Адриано, – отозвался Леопольдо. – Классная рубашка. Куда собрался?

Они вышли на улицу.

– Сначала домой, ужинать. Мама приготовила мое любимое ризотто²². Потом в стрип-тиз-бар. Там сегодня выступает Паола. Ты видел Паолу?

– Конечно, видел. Хорошая девка.

– И танцует классно, – поддакнул Адриано, двинув бедрами. – Пошли со мной.

– Нет, не могу, Адриано, – Леопольдо мотнул головой. – У меня есть фиданцата.

– Понимаю, Леопольдо. Ты молодец, – Адриано хлопнул Леопольдо по плечу. – У тебя классная фиданцата. Я бы от такой тоже не отказался. Ладно, пока, Леопольдо, – Адриано махнул рукой. – Поеду домой. Опоздаю на ужин, мама будет ругаться.

– Ciao, Адриано, – Леопольдо попрощался с коллегой и направился к машине, припаркованной в десятке метров от офиса.

Забравшись в салон, Леопольдо посигналил на прощание Адриано, рывшемся в багажнике своего "фольксвагена", и покатил прочь. Через минут двадцать он был уже на Виа Франческо Криспи, подъехал к зданию, в котором располагалась редакция журнала "Buon appetito!", и остановил машину. Двигатель не глушил. Набрал номер Ангелики. Девушка сбросила, а спустя несколько минут появилась в дверях редакции с сумочкой в руках, улыбнулась, заметив Леопольдо, и помахала ему рукой. Не прошло много времени, как Ангелика оказалась в салоне машины в объятиях Леопольдо.

– Buonasera, il mio tesoro²³, – шепнул на ухо Ангелике Леопольдо, затем обхватил лицо девушки ладонями и поцеловал.

– Buonasera, piccolo²⁴, – сказала Ангелика, улыбнувшись.

– Поехали, отвезу тебя домой, – сказал Леопольдо, вырливая на дорогу.

– Нет, нет, не домой. Звонила Натали, приглашала меня на ужин.

– Так ты хочешь, чтобы я отвез тебя к Натали? – Леопольдо скривился, словно съел лимон, и посмотрел на Ангелику.

– Ты против? – встревожилась девушка.

– Нет, но там же будет Альфонсо, брат Натали. А он к тебе явно неровно дышит. Я видел, как он на тебя смотрел. Как бульдог слюни пускает, стоит ему тебя увидеть.

– Sei geloso?²⁵, – рассмеялась Ангелика. – Мой ревнивец, – рука девушки легла на плечо Леопольдо. – Не волнуйся, я буду ужинать дома у Натали, а не у ее родителей. Кроме мужа Натали Эрнесто и ее маленького сынишки Луиса там больше никого не будет.

– Ну, если так, – Леопольдо рассмеялся, сбрасывая напряжение, охватившее его, едва он узнал об ужине у Натали. – Тогда поехали, отвезу тебя домой к Натали.

Машина понеслась по Виа Франческо Криспи, прорезая бампером плотный, все еще хранящий остатки дневного жара воздух вечернего города. Но вскоре скорость пришлось убавить из-за пробок, образовавшихся на улицах старого городка. Десятки машин спешили домой, словно измученные жаждой животные к водопою. Каждый хотел вовремя поспеть домой к

²² Популярное в Италии блюдо из риса

²³ Добрый вечер, мое сокровище (ит.)

²⁴ Добрый вечер, малыш (ит.)

²⁵ Ты ревнуешь? (ит.)

ужину, никто никого не хотел пропускать. Город наполнился сигналящими машинами, криками водителей и велосипедистов.

Когда они добрались до дома, где жила подруга Ангелики Натали с семьей, только переваляло за семь часов. Леопольдо поцеловал Ангелику на прощание, пообещал забрать ее на обратном пути и понесся к Виа Витторио Венето, где жили его родители.

– Леопольдо! Сынок! – воскликнула Паола Витале, невысокая, грузная женщина с короткими черными волосами, толстыми губами и пронзительным взглядом голубых глаз, когда увидела сына на пороге квартиры. Обхватив сына за голову, женщина поцеловала сына в одну щеку, затем в другую.

– Buonasera²⁶, мамá, – Леопольдо улыбнулся.

– Ты почему опоздал, сынок? Нехорошо заставляешь людей ждать, – Паола Витале заглянула за спину сына, убеждаясь, что за ним не следует Ангелика. – Как хорошо, что ты один, без этой полентонэ.

– Перестань, мамá. Не начинай, – Леопольдо нахмурился.

– Все хорошо, Леопольдо. Не стреляй в меня так глазами, будто застрелить хочешь. Ай-яй-яй, что с тобой сделала эта полентонэ. Исхудал весь. Совсем тебя не кормит. Каким хорошим был, когда жил с родителями, а сейчас посмотри на него, одни кожа да кости, – синьора Витале помотала головой и ущипнула сына за талию. – Эй, Умберто, иди сюда. Посмотри, что эта полентонэ сделала с твоим сыном. Совсем не кормит. Голодом морит.

– Мамá, не стоит так говорить, – Леопольдо замахал руками как ворона крыльями над огородным пугалом.

– Леопольдо! – услышал он.

Леопольдо повернул голову и увидел отца, как всегда улыбающегося, приветливого. Обняв сына, Умберто Витале похлопал его по плечу.

– Рад тебя видеть, Леопольдо, – сказал он, затем понизил голос до шепота и продолжил. – И совсем ты не кожа, да кости. Ангелика хорошо о тебе заботится, – Умберто Витале подмигнул сыну и рассмеялся.

Паола Витале услышав слова мужа, свела брови над переносицей, взвила руки вверх и закричала:

– Что ты понимаешь, Умберто?! Давай, иди, иди отсюда, иди к гостям! Нечего тут попусту якшаться!

Отец Леопольдо улыбнулся, снова подмигнул сыну и скрылся в зале.

– У тебя гости? – Леопольдо повернулся к матери. – Почему ты меня не предупредила, что собираешься пригласить на ужин гостей?

– Конечно, гости, – заулыбалась Паола Витале. – Хорошие гости. Иди в гардеробную, разуйся и руки помой.

Леопольдо, чувствуя недовольство, двинул в гардеробную. Проходя через залу, он увидел семейство Риччи в полном комплекте. Синьора Риччи, синьор Риччи, сеньорита Риччи, то есть "красавица" Софи, сверкавшая всеми тридцатью двумя кривыми зубами, и ее сестра Агата.

– Merda²⁷, – выругался тихо Леопольдо, навесил на лицо улыбку и сказал:

– Buonasera, синьора Риччи. Buonasera, синьор Риччи. Софи, Агата.

– Buonasera, Леопольдо, – послышалось в ответ.

Леопольдо оставил позади залу, прошел в гардеробную, где разулся, натянул на ноги тапочки, перешел в ванную комнату и вымыл руки.

– Merda, – снова выругался Леопольдо, рассматривая себя в зеркало.

---

²⁶ Добрый вечер (ит.)

²⁷ Дерьмо (ит.)

Кого-кого, а вот семейство Риччи он совершенно не ожидал увидеть. И дело не в том, что оно ему не нравилось. Нет. Просто Леопольдо не любил сюрпризы, особенно те, которые преподносила мать. У него есть собственная жизнь, но мать этого как будто не замечала, вернее, не хотела замечать, гнула свою линию, нисколько не считаясь с желаниями сына. Леопольдо это раздражало, даже злило. Ему было двадцать восемь, а мать вела себя с ним, как будто ему десять. Леопольдо вспомнил об Ангелике. Как хорошо, что она не здесь и не видит всего этого спектакля, устроенного его матерью.

– *И чего она добивается?* – думал Леопольдо, вытирая руки полотенцем. – *Все равно зря старается.*

Леопольдо вдохнул, выдохнул, вернул на лицо улыбку, выключил воду и зашагал в залу. Мысли снова вернулись к Ангелике. Двойное чувство возникло у него в груди. С одной стороны он был рад, что девушки здесь нет, с другой хотел, чтобы она была рядом, скучал, мечтал о том, чтобы обнять ее, приласкать. Его горячее сердце стремилось к ее, милому и родному сердечку, хотело рассказать ему о любви, которой было наполнено, словно бокал вином. Что она сейчас делает? Думает ли о нем, как он о ней?

Легкая грусть нахлынула на Леопольдо. Какой же силой обладает любовь! Как крепко способна она соединять сердца! Ее крепости мог бы позавидовать и стальной канат. А каким сильным влечением друг к другу наделяет она любящие сердца! Притяжение Земли не более чем детская забава по сравнению с ним.

Леопольдо вошел в залу.

– *Il mio caro Leopoldo*²⁸! – воскликнула синьора Риччи, заметив Леопольдо. – Как давно я тебя не видела, Леопольдо. Кажется всю жизнь. Я помню еще те времена, когда вы с Софи играли в парке, а мы с твоей мамой наблюдали за вами и радовались. Какой красивый мужчина!

Синьора Риччи, полноватая, черноволосая, с грубыми, больше похожими на мужские чертами лица подскочила с дивана, на котором расположилось все семейство Риччи, всплеснула руками и бросилась к Леопольдо с видимым намерением заключить того в объятия. При этом сделала она это с такой скоростью, что Леопольдо вскинул от удивления брови и замер, словно мышь под пристальным, гипнотизирующим взглядом змеи. Улыбаясь, словно выиграла миллион евро в национальной лотерее, синьора Риччи заключила Леопольдо в объятия. Глухая улыбка появилась на лице Леопольдо, когда массивные руки женщины сомкнулись на его теле. Леопольдо едва не вскрикнул от боли, почувствовав медвежью хватку коротконогой итальянки.

Семейство Риччи сидело на диване и скалило зубы при виде этого представления. Отец Леопольдо сидел отдельно, на другом конце дивана и посмеивался себе в ус. Леопольдо сделал попытку высвободиться из объятий синьоры Риччи, скользнул взглядом к сервизному шкафу, подпиравшему оранжевый длинный диван, словно желал затеряться среди тарелок и чашек, перескочил на маленький журнальный столик со стеклянной столешницей перед диваном, оттуда к полкам из гипсокартона, висевшим на стене напротив дивана и окружившим со всех сторон телевизор, наконец, остановился на дверном проеме, за которым пряталось помещение кухни.

– Красивый, очень красивый, – не переставая улыбаться, согласились с матерью обе синьорины Риччи.

– И я о том же, – синьора Риччи отпустила Леопольдо и посмотрела на дочерей. – С красивым мужчиной не стыдно и по городу пройти под руку, конечно, если это муж, а не то люди могут всякое подумать. Увидит кто из соседей тебя с красивым незнакомцем, такого напридумывают, – синьора Риччи закатила глаза, раскинула руки в стороны и помотала головой, затем повернулась к Леопольдо и сказала:

²⁸ Мой дорогой Леопольдо! (ит.)

– А Леопольдо будет красивым мужем. Фелипе, сын моей подруги синьоры Чезаре, которого все называют красавчиком, даже тот с ним не сравнится. Я совсем была бы не против иметь такого зятя, – синьора Риччи рассмеялась. – Что скажешь, Леопольдо?

– Судьба распорядилась иначе, синьора Риччи, – не без облегчения заметил Леопольдо. – У меня уже есть жена.

– Фиданцата – это не жена, Леопольдо. Знаешь Рико, сына синьоры Батичелли? Он встречался со своей фиданцатой десять лет, никак не меньше. И что ты думаешь? Вчера иду по Виа Франческо Петрарка, а он уже с другой фиданцатой, – синьора Риччи снова рассмеялась, затем посмотрела на Леопольдо, словно на маленького мальчика, ничего не знающего о жизни, и хотела что-то еще сказать, но не успела, в залу вошла Паола Витале, раскрасневшаяся, взмокшая.

– Все на кухню, – распорядилась она. – Время ужинать.

Все прошли на кухню, точнее в зону для приема пищи – большую нишу на кухне, посреди которой стоял кухонный стол в окружении стульев. На стене висели зеркало и небольшой телевизор. Красиво расставленные тарелки, стаканы, салфетки, столовые приборы. С кухни неслись невероятно вкусные запахи. Леопольдо почувствовал, как его рот наполняется слюной, предвкушение сытного и вкусного ужина овладело его сознанием.

Леопольдо собрался сесть на стул, стоявший сбоку стола, но мать воспротивилась, указала на место напротив Софи. Леопольдо подчинился; спорить с матерью было бесполезно. Краем глаза Леопольдо заметил устремленный на него взгляд Софи. При этом девушка не забывала улыбаться улыбкой в тридцать два зуба. Леопольдо повернул голову к Софи, впери в нее взгляд и улыбнулся в ответ, надеясь, что девушка смутится и отвернется. Не тут-то было. Софи, словно выпила живительной воды, расцвела, грудь – никак не меньше четвертого размера – заходила ходуном под цветочным платьем, но больше всего Леопольдо поразила улыбка девушки, она стала такой широкой, что ему показалось, что он видит даже коренные зубы девушки.

Веселый смех наполнил кухню. Паола Витале и синьора Риччи, казалось, соревновались, чей смех громче. Перестав смеяться, женщины посмотрели на Леопольдо и Софи с такими умилением и нежностью, что Леопольдо почувствовал себя новорожденным, маленьким *patata*²⁹, которому только и оставалось, что сунуть соску в рот.

Паола Витале улыбнулась сыну и исчезла на кухне. Синьора Риччи последовала за ней, то и дело оборачиваясь и посматривая на Леопольдо и Софи. Едва женщины скрылись из виду, Умберто Витале и синьор Риччи принялись обсуждать последние городские новости, затем Умберто Витале поднялся и ушел. Вернулся минуту спустя с бутылкой белого просекко³⁰, которым не преминул наполнить все пустые стаканы. Паола Витале и синьора Риччи принесли антипасты – холодные закуски, среди которых преобладали овощи и мясные нарезки.

Ужин начался. Пока ели, разговаривали. Леопольдо старался не активничать в разговоре, так как понял, что любая его активность обернется против него. Достаточно было вспомнить реакцию матери и синьоры Риччи на неудавшийся фокус с Софи, чтобы убедиться в истинности этих предположений. Поэтому Леопольдо сосредоточился на еде, благо это дело он любил и всегда уделял ему много времени. К счастью для него, такое чревоугодие почти не сказывалось на его телосложении.

За антипасты последовало пасты – основное горячее блюдо, которое состояло из равиоли³¹ с мясной начинкой и спагетти с жареной рыбой. Потом был небольшой отдых, за кото-

---

²⁹ Детское прозвище

³⁰ Разновидность сухого вина

³¹ Макароны изделия из теста с различной начинкой

рым Паола Витале подала большое блюдо с несколькими видами сыра. Десерт, состоявший из печенья и конфет, сменил сырную трапезу.

Когда тарелки убрали, Умберто Витале принес бутылку красного вина и каждый пропустил по стаканчику. Уже после Паола Витале приготовила себе, Леопольдо, синьоре Риччи и ее дочерям кофе. Синьор Риччи и Умберто Витале отказались от кофе, предпочтя завершить сытный ужин рюмочкой граппы³².

Все то время, что длился ужин, Леопольдо старался не смотреть на Софи, которая будто прилипла взглядом к Леопольдо.

– *И не надоедает же*, – думал в такие минуты Леопольдо, старательно избегая смотреть на девушку напротив, а еще пытался понять, с какой это стати мать решила его свести со старшей дочерью синьоры Риччи, зная о том, что у него есть Ангелика. Обычная неприязнь к девушке виделась Леопольдо недостаточной причиной, поэтому он решил при случае поинтересоваться у матери истинными причинами увлеченности семьей Риччи. Как знал Леопольдо, семья эта богатой не была. Синьора Риччи работала продавщицей в супермаркете, а синьор Риччи – специалистом на фабрике по производству мебели. Софи, как и мать, была продавщицей, продавала продукты в продуктовом магазине, а Агата, младшая из Риччи, заканчивала школу. По социальному статусу семья Риччи явно не могла сравниться с семьей Витале, хотя и последняя не принадлежала к высшему классу, средний класс – не больше. Возможным объяснением для Леонардо такой, по его мнению, сверхувлеченности семьей Риччи со стороны матери было то, что Паола Витале и синьора Риччи были лучшими подругами. Так или иначе, Леопольдо решил пока не заострять внимание на этой загадке, да и зачем, когда у него есть Ангелика.

Вспомнив о девушке, Леопольдо заволновался и посмотрел на наручные часы. Время перевалило за девять вечера. Пора было ехать за Ангеликой. Семья Риччи также решила не задерживаться в гостях, собралась и дружно покинула квартиру, правда, этому предшествовала череда громких охов и ахов, особенно со стороны синьоры Риччи, выражающих сожаление по поводу столь скорого расставания и, как показалось Леопольдо, большей частью с ним, а не с его родителями.

Когда входная дверь закрылась за последним представителем семьи Риччи (конечно же это была синьора Риччи), Леопольдо вздохнул с облегчением. Довольная улыбка появилась на его лице, но радоваться ему пришлось недолго.

Только хлопнула дверь, Паола Витале повернулась к сыну и вскинула руки.

– Леопольдо, что ты себе надумал? Ты ни словом не обмолвился с Софи. Дитя глаз с тебя не сводило, а ты ее совсем не удостоил взглядом.

– Мама, давай на чистоту. Что ты задумала? – Леопольдо скрестил руки на груди и оперся спиной о стену.

– Я? Ничего не задумала. С чего это ты взял, что я что-то задумала, Леопольдо? Зачем мне это?

– Кроме тебя этого не знает никто. Но то, что у тебя что-то на уме, и глупому понятно. Слишком хорошо я тебя знаю, мама. Семейство Риччи, да еще в полном составе, да еще у нас дома, да еще во время ужина. Нет, здесь дело нечисто. Говори, я жду. И учти, у меня мало времени. Меня Ангелика ждет, – Леопольдо сощурил глаза и уставился на мать.

– Умберто! – позвала Паола Витале мужа. – Ты слышишь, Умберто, как твой сын разговаривает с матерью? Дожились. И это в собственном доме. И это ребенок, которого я когда-то прижимала к груди, – руки женщины ожили, взметнулись в воздух и принялись выписывать невероятные геометрические фигуры. – Это все она, Умберто, все эта полентонэ.

Паола Витале скрылась в зале.

---

³² Виноградный алкогольный напиток

– Где же ты Умберто?! – услышал Леопольдо. – Ах, вот ты где. Сидишь, улыбаешься. Ты все слышал, что сказал твой сын? Все до последнего слова? Какие трудные времена наступили. Если собственные дети тебя не уважают, то, что говорить о других людях?

Леопольдо слушал словоизлияния матери и улыбался. Как и многие итальянки Паола Витале любила поговорить, но еще больше любила пожаловаться на свою, по ее устойчивому мнению, нелегкую судьбу. Пробудить жалость к своей персоне – в этом Паола Витале была большая мастерица.

Леопольдо оттолкнулся от стены и двинул в гардеробную. Проходя рядом с залой, он посмотрел на мать, сидевшую рядом с отцом, и что-то тому втолковывающую.

– Мама́, иду собираться. У тебя есть две минуты, чтобы рассказать мне о своей задумке, иначе мне придется ограничить походы к вам с папой в гости до одного раза в месяц. Не хотелось бы снова столкнуться с семьей Риччи.

– Умберто! – глаза Паолы Витале распахнулись, на морщинистом лице застыло возмущенное выражение. – Умберто! Как ты можешь такое терпеть?! Ты только посмотри, как твой сын обращается с собственной матерью?! Он уже ставит мне ультиматумы! Бедная я, бедная, – голос Паолы Витале надтреснулся, ладони обхватили лицо. Казалось, еще немного и квартиру наполнит женский плач.

Но не тут-то было. Паола Витале взглянула на мужа, скрывшего свое улыбающееся лицо за газетой, нахмурилась и ударила по газете.

– Умберто! Я с тобой разговариваю или с кем? Ты слушаешь меня? Почему ты закрылся от меня газетой? Ах, негодник! Он еще и улыбается! – молнии засверкали в глазах женщины. – Vecchio schifoso³³!

Но Паола Витале должно быть решила изменить тактику, так как внезапно огонь негодования в ее груди угас, лицо опечалилось, женщина покачала головой и положила руки на колени, застыв в позе глубочайшего смирения.

– Бедная я, бедная. Что-то я плохо себя чувствую, – тихо выдохнула она. – Устала.

Синьор Витале отложил газету в сторону, улыбнулся и похлопал жену по ноге.

– Все будет хорошо, Паола. Не стоит так убиваться. Ты посмотри, какой у нас сын, – Умберто Витале кивнул на Леопольдо, наблюдавшего за родителями с полуулыбкой на лице. – Посмотри, какой красавец. Недаром синьора Риччи со всей присущей ей страстью сегодня прижимала его к груди. А синьорины как на него смотрели. Я все видел.

– Я думаю, Софи была бы очень хорошей женой. Знал бы ты, какая она хозяйка, а красавица-то какая, – Паола Витале была так поглощена воспоминаниями, что не заметила, как при этих словах муж и сын переглянулись и заулыбались как нашкодившие малыши. – Умберто, ты только посмотри, как наш сынок исхудал, живя с этой полентонэ, – Паола Витале отвернулась от мужа и посмотрела на сына. – Одни кожа да кости. А посмотри на его одежду. Она совсем не знакома с уюгом, – женщина вновь устремила глаза на мужа. – Нашему мальчику нужна хозяйка, а не карьеристка. А эта полентонэ только о карьере и думает. Она думает, что я не знаю, а я знаю, о чем она секретничает с Моникой, нашим секретарем. Она только и говорит о том, что когда-нибудь вернется на Север. Там, видите ли, больше возможностей и больше платят. Я знаю. Моника мне все рассказывает.

– Ты зря волнуешься, Паола. Нашему мальчику не пять лет. В двадцать восемь лет можно уже и самому выбрать себе жену.

– Что ты понимаешь, Умберто? Дети как слепые котята, они всегда требуют родительской опеки.

---

³³ Мерзкий старикашка! (ит.)

Леопольдо отвлекся. Узнав, что у Ангелики есть тайное желание вернуться на Север, опечалился. Ангелика ничего ему про это не говорила. Может, боялась, что он ее не поймет? А он понял бы? Хочет понять? Готов отпустить свою принцессу? Нет, только не это.

– *Неужели она хочет меня бросить?* – думал Леопольдо. – *Неужели она меня не любит?* Нет, это неправда! Это просто не может быть правдой! Надо поехать к Ангелике и объяснить с ней.

Леопольдо вышел из залы, прошел в гардеробную, обулся, вернулся в залу и остановился, услышав слова матери.

– Ничего, Умберто. Ничего. Скоро все изменится. Я слышала, как синьор Гирландайо, это наш главный редактор, говорил, что из-за кризиса придется сократить штат, уволить нескольких журналистов и редакторов, и ты знаешь, Умберто, – Паола Витале наклонилась к мужу, – эта полентонэ в списке тех, кого собираются уволить. Пусть убирается на свой чертов Север. Наш мальчик не пропадет. Мы найдем ему хорошую жену, настоящую хозяйку, а не глупую карьеристку. Софи – хороший выбор. Ей наш мальчик давно нравится. Конечно, семья Риччи не богата, но и мы не из таких. Главное, что Софи хорошая хозяйка. С ней наш мальчик будет и накормлен и обстиран. Да и синьора Риччи моя лучшая подруга. Мы с ней вместе растили наших ангелочков...

– Мама́, – прервал Леопольдо мать, – когда ты слышала, что Ангелику собираются уволить?

– Сегодня, Леопольдо.

– Значит, Ангелика об этом еще не знает?

– А я откуда знаю, знает она или не знает? Мне нет дела до этой глупой полентонэ.

– Мама́, не называй ее так!

– Не кричи на меня, Леопольдо... Умберто, скажи ему хоть что-то. Что ты молчишь? Будто набрал воды в рот. Это все твоё воспитание.

– Паола, ты непоследовательна в своих утверждениях, – заметил Умберто Витале. – То ты обвиняешь во всех грехах эту чудесную девушку, Ангелику, то меня.

– Чудесную девушку?! – вскинулась Паола Витале. – Нет, вы слышали! Мamma mia³⁴! Никогда ты меня не поддерживал, Умберто! Никогда!

В кармане штанов Леопольдо заиграла музыка. Леопольдо вытащил мобильник и взглянул на экран, улыбка тронула губы, когда увидел, что звонит Ангелика.

– Мама́, – сказал Леопольдо. – Cíao³⁵. Мне пора. Меня Ангелика ждет.

– Подожди, Леопольдо. Дай мне хоть поцеловать тебя на прощание.

Мобильник разрывался, и Леопольдо пришлось нажать клавишу "отбой". Ничего, потом перезвонит.

Паола Витале приблизилась к сыну, поднялась на носки и поцеловала в щеку.

– Не забывай нас, Леопольдо. Приходи завтра на ужин.

– Посмотрим, мама́. Cíao, папа́, – Леопольдо махнул отцу на прощание, открыл входную дверь и вышел из квартиры в коридор.

– Звони, Леопольдо, – услышал он, спускаясь по лестнице на первый этаж.

– Обязательно, мама́. Cíao.

Леопольдо вышел на улицу. Прохладный ночной ветер коснулся лица, дернул за воротник рубашки и пробежался по шее. Леопольдо улыбнулся. Взгляд пробежался по деревьям, тускло освещенным уличными фонарями, скользнул выше, оставил позади крыши домов, устремился к звездам, яркими белыми точками блестящими в ночи, зацепился за тонкую полоску облака, за которым спрятался блеклый, покрытый серыми пятнами диск месяца.

---

³⁴ Мать моя! (ит.)

³⁵ Пока (ит.)

Леопольдо потянул носом воздух. Запах еще не совсем остывшего от дневного жара асфальта смешался с ароматами цветов, росших на клумбах под домом и в горшках на балконах, создавая тем самым что-то новое, странную смесь искусственного и натурального, мертвого и живого.

Мобильник в кармане Леопольдо снова ожил. Леопольдо направился к машине, припаркованной в двух десятках метров от дома, где жили родители, на ходу доставая из штанов мобильник.

- Привет, amore mio³⁶. Прости, что не ответил раньше, только что вышел от родителей.
- Привет, милый. Хотела узнать, ждать тебя или взять такси?
- Конечно, ждать. Через пятнадцать минут буду у тебя.
- Тогда жду, Лео. Натали собирается ложиться спать, поэтому я тебя подожду возле подъезда.
- Хорошо, милая. Я скоро буду, не скучай.
- Постараюсь, – Леопольдо почувствовал, как на губах Ангелики расцвела улыбка. – Жду. Из динамика понеслись короткие гудки.

Леопольдо нажал пальцем на клавишу "отбой", вернул мобильник в карман, отключил сигнализацию машины, после чего забрался в салон и завел двигатель. Несколько мгновений спустя он уже летел сквозь ночь по дорогам спящего Ареццо.

---

³⁶ Моя любовь (ит.)

Глава 3

Они лежали на кровати, тревожимые лишь слабым светом ночника. На улице было темно и безлюдно. Городок словно вымер, спал, укрывшись плотным, украшенным миллионами сияющих звезд саваном ночи. Шуршание ветерка среди деревьев и в клумбах среди роз и магнолий было сродни блужданию привидений – таким же тихим и унылым. Рычание автомобильного двигателя, нет-нет да тревожившего ночь, казалось чем-то неестественным, даже чужим, абсурдным, среди глухой и глубокой тишины ночи, царящей за окном.

Леопольдо лежал на боку, подложив руку под голову. Взгляд усталым странником блуждал по лицу и телу Ангелики: тонкие полуарки черных бровей, прямой небольшой нос, лепестки тонких губ – алых и чуть влажных, средней длины волосы, словно стыдливо прикрывшие обнаженные узкие плечи. Взгляд Леопольдо спустился ниже и замер на груди Ангелики. Маленькие пятна сосков на мгновение привлекли его внимание, задержали на себе взгляд, отпустили. Взгляд устремился дальше, к плоскому животу девушки, плоскому не от природы, а от частых походов в фитнес-клуб. Леопольдо нравилась фигура Ангелики. Кто-то назвал бы фигуру девушки чуть худощавой, кто-то спортивной. Для Леопольдо же она была идеальной. Он восхищался ею и в то же время не понимал причины необходимости для Ангелики посещать фитнес-клуб и следить за питанием. Здоровый образ жизни для Леопольдо, как и для многих его соотечественников, был чем-то ненормальным, не способствующим долговечности, наоборот, усложняющим жизнь, а поэтому ненужным. А вот Ангелика была не такой. Она верила в здоровый образ жизни, была вегетарианкой и два раза в неделю посещала фитнес-клуб. Леопольдо этого не понимал, но принял, смирился, уважая желания и устремления девушки. Для него было хорошо уже то, что Ангелика не навязывала ему свой непонятный для него здоровый образ жизни.

Леопольдо вернулся взглядом к лицу Ангелики. Глаза девушки были закрыты, она казалась спящей. Грудь поднималась и опускалась в бессмысленной попытке нагнать дыхание – тихое, неспешное, умиротворенное. Казалось бы, не спешит никуда, а поспеть за ним все равно невозможно.

Леопольдо улыбнулся, склонился над девушкой и обдул ее лицо воздухом, будто проверяя, спит Ангелика или только притворяется. По его предположениям, притворяется. Вряд ли бы она успела заснуть за те три минуты, пробежавших с того времени, как она вышла из ванной комнаты.

Предположения Леопольдо оказались верны: Ангелика улыбнулась, но глаза не открыла. Тогда Леопольдо наклонил голову, обхватил губами один из сосков девушки, лизнул языком, будто пробовал на вкус нектар, и видимо ему было мало этого нектара, так как он коснулся зубами соска и укусил, не больно, но ощутимо.

Глаза Ангелики распахнулись, словно ставни поутру. Вопрос застыл в глазах, на лице отобразилось возмущение, скорее игривое, чем настоящее. Девушка посмотрела на Леопольдо, подняла руку и шлепнула его по губам. Шлепок получился детским, но вряд ли девушка хотела сделать Леопольдо больно. Леопольдо это знал и все же решил продолжить игру: теперь на его лице поселилось удивление и возмущение. Недолго думая, словно в отместку, Леопольдо ринулся к девушке, навалился на нее телом и впился губами в ее губы.

Ангелика пискнула, должно быть от возмущения и даже ударила Леопольдо ладонью по ягодицам, но затем, будто капитулируя, обняла его и ответила на поцелуй своим, не менее горячим. Сердца столкнулись, словно машины, вспыхнули, как сверхновая, и в груди обоих полыхнуло огнем страсти.

На секунду их губы разъединились, чтобы дать возможность легким наполниться воздухом, а затем снова соединились. Рука Леопольдо зарылась девушке в волосы, сжала их, потя-

нула за собой, отпустила, словно испугавшись страстного порыва, но наказания не последовало, будто обрадовалась, метнулась вниз и накрыла грудь. Ладонь ощущала нежность кожи на груди девушки, чувствовала каким твердым стал сосок, словно жизненным соком налился. В то время как губы Леопольдо снимали божественный нектар с губ Ангелики, его ладонь наслаждалась бархатом кожи ее груди: гладила ее, сдавливала, игралась с соском, с одним, затем переместилась ко второму, словно дитяте, забытому, но к счастью не брошенному.

Страсть охватила обоих. Леопольдо оставил в покое губы девушки, спустился ниже и начал покрывать поцелуями ее шею, но и этого ему видать оказалось мало, а может, просто губы зажили собственной жизнью: невидимая дорожка из горячих следов, остававшихся после поцелуев губ Леопольдо, протянулась от шеи Ангелики к ее груди. Воздух вздрогнул, когда из груди девушки вырвался стон, тишина растаяла, как лед на солнце. Дыхание девушки, казалось, могло обжечь, настолько горячим оно было, как лава из вулкана рвалось оно из ее открытого ротика навстречу испуганному неожиданным вторжением окружающему миру.

Дорожка из поцелуев потянулась дальше, ладони Леопольдо накрыли груди Ангелики, сжали их, ослабили хватку, снова сжали, будто играли или... нет, все никак не могли наслаждаться нежностью девичьей кожи. Но вот они как будто вспомнили, что кожа есть у девушки не только на груди, оставили груди, спустились к бокам, поднялись к животу, устремились вдогонку за губами, упрямыми и непослушными, целующими в эти минуты бедра девушки.

Если бы Леопольдо не был столь увлечен, поднял голову и посмотрел на лицо Ангелики, то заметил бы, как ее губы поджались, словно в предвкушении, увидел бы, как подрагивают ее глаза под закрытыми веками, как танцуют ресницы, как то и дело расширяются ноздри, наполняются воздухом, словно паруса ветром. Но Леопольдо ничего этого не видел. Его губы нашли новую "жертву" – тонкую полоску волосков, проступающих под полупрозрачными трусиками. Но целовать ткань не одно и то же, что целовать нежную, сладкую, молодую женскую кожу. Нет! Совсем не одно и то же. Это все равно, что целовать небесную лазурь после того, как поцеловал землю во время дождя.

Влекомый ощущениями неестественности, Леопольдо положил руки Ангелике на трусики, замешкался на мгновение, затем рывком стянул их с девичьего тела и бросил на цветистый ковер на полу. Руки вернулись к телу Ангелики, волнующему и влекущему, скользнули по бедрам, талии, животу. Губы накрыли заветную полоску у девушки на лобке. Нос втянул воздух, насыщенный запахами юного тела. Язык пробежался по волоскам, коснулся половых губ и прижался к заветной горошине. Леопольдо ощутил, как под его языком задрожало тело Ангелики, комната наполнилась стонами и придыханиями, остатки тишины выскользнули в приоткрытое окно и затерялись в ночи.

Тело девушки, покрытое ровным, словно нарисованным солнечным загаром и капельками пота, маленькими драгоценными камешками сверкавшими в полутьме комнаты, выгнулось дугой, живот девушки приподнялся, руки вцепились в простыню, голова уперлась в подушку, всхлип ласточкой пронесся по комнате, взмыл под потолок, метнулся к окну и выскользнул на улицу. За ним вдогонку отправился второй, третий, а за третьим и четвертый с пятым подоспели. Ангелика мотнула головой в одну сторону, в другую. Волосы растрепались. Дыхание жгло воздух. Огонь в груди становился все сильнее, пока не охватил все ее естество – жаждущее, чувственное, чувствующее.

Мгновения спустя Леопольдо прекратил истязать девушку лаской, поцелуями проложил дорогу к ее шее, прижался к щеке, поцеловал в губы. Ангелика плотнее прижалась телом к его телу, обвила руками его шею, что-то шепнула ему на ухо, да так тихо, что он и не услышал сказанного, зато почувствовал, как ладошка девушки обхватила его пенис, ощутил давление ее пяток на ягодицах. Не сопротивлялся, поцеловал влажные губы, подался тазом вперед и вошел в пышущее жаром лоно девушки.

За окном веяло легкой прохладой, а в комнате словно горел камин, было душно и жарко. Воздух испортился, затхлый, несвежий, он будоражил ноздри Леопольдо, заставляя их морщиться. В последний раз поцеловав Ангелику, Леопольдо поднялся с кровати, приблизился к окну и распахнул его. Конечно, будь он один в спальне, включил бы кондиционер, но рядом была Ангелика, которая при каждом удобном случае предпочитала дышать свежим настоящим воздухом, а не его искусственной пародией. Воздух частично был повинен и в том, что Ангелика оказалась в Ареццо. Всю жизнь прожившая в Милане, она в какой то момент, точнее в тот момент, когда увлеклась здоровым образом жизни, решила изменить родному городу, устав от смога и угарного автомобильного газа. Как раз подвернулась работа в Ареццо, маленьком и незагазованном, все еще не понаслышке знающем о настоящем, не пропитанном жизнью огромного города воздухе. Ангелика думала недолго, собрала вещи, оставила родителей и переехала в Ареццо, где, как известно, и встретила с Леопольдо. Леопольдо не раз слышал эту историю от девушки, но каждый раз радовался, снова и снова повторяя, что видать тогда сам господь направлял ее шаги, про себя благодарил бога, а затем обязательно целовал Ангелику, тем самым выражая свою радость случившимся.

Леопольдо выключил ночник, вернулся на кровать, лег рядом с Ангеликой и прижался головой к ее голове. Запах ее тела вперемешку с остатками туалетной воды будоражил его ноздри, заставлял снова и снова зарываться лицом в волосы девушки. Ангелика перевернулась на бок, поджала ноги и уперлась лбом в грудь Леопольдо. Тот подтянул одеяло, укрыл девушку, себя заодно, обнял Ангелику за талию и прижался губами к ее волосам.

– Я люблю, тебя, моя волшебная, – шепнул Леопольдо, поглаживая рукой спину девушки.

Ангелика поцеловала его в грудь и прошептала в ответ свое обычное:

– А я тебя.

– Будем спать?

– А сколько уже времени?

Леопольдо поднял голову и устремил взгляд сквозь крошечную тьму к трюмо, подпиравшему стену напротив кровати. На столешнице трюмо стояли электронные часы. Светодиодные цифры часов мягко отсвечивали зеленым.

– Половина первого, – сказал Леопольдо, снова прижимаясь к девушке.

– Тогда я спать, – Ангелика обожгла грудь Леопольдо своим жарким дыханием, повернулась к нему спиной и поджала ноги. Это была ее любимая поза для сна. У Леопольдо также была любимая поза для сна – лежа на боку обнять девушку за талию и прижаться к ней плотнее. Это он и поспешил сделать, едва Ангелика показала ему спину. Даже во сне не желал терять с ней связь, словно боялся, что может проснуться, а ее рядом не окажется.

Обняв Ангелику, Леопольдо закрыл глаза, надеясь в скором времени уснуть, но сон не шел. Как назло в памяти всплыл разговор с матерью. Леопольдо вспомнил о желании Ангелики вернуться в Милан. Почему она ему ничего не говорила? Может, не хотела лишний раз беспокоить? Прямо как он совсем недавно, когда они ехали от Натали домой. Он знал о будущем увольнении Ангелики, но ничего ей не сказал, посчитав, что лучше не тревожить девушку заранее. Да и стоило признать, что в эти минуты его больше волновали собственные переживания по поводу возможного возвращения Ангелики в Милан. Леопольдо хотел верить, что это только слухи, что мать выдумала это, преследуя собственные цели. Всю дорогу, что они ехали домой, Леопольдо тешил себя надеждой, что мать выдумала будущий отъезд Ангелики, даже шутил, все хотел скрыть от Ангелики душевные мучения. И, наверное, у него это хорошо получилось, так как Ангелика ничего не заподозрила.

Лежа рядом с Ангеликой, Леопольдо все никак не мог выкинуть из памяти разговор с матерью, мысленно возвращаясь к нему снова и снова. Мысль о возможном отъезде Ангелики засела глубоко в его сознании, тем самым не давая возможности уснуть. А если Ангелика

действительно собралась вернуться в Милан и ничего ему не говорит, чтобы не расстраивать раньше времени? А потом, в один "чудесный" день огорошит его признанием.

– *Нет, она не может так со мной поступить*, – думал Леопольдо, плотнее прижимаясь к обнаженному телу девушки. Попытайся в эти минуты Ангелика вырваться из его объятий, без боя у нее ничего не получилось бы. – *Ведь я люблю ее. И она это знает.*

Она же тоже меня любит. Так зачем ей уезжать из Ареццо? Нет, это не может быть правдой. Не может! Как же я буду без нее?

Леопольдо стало жарко под одеялом, он лег на спину и раскрылся. Тихий вздох потревожил комнату. Все эти мыслительные процессы в столь позднее время явно не на пользу организму.

– Ты не спишь? – услышал Леопольдо. Ангелика повернулась к нему лицом.

– Нет. Никак не могу уснуть, – Леопольдо накрыл ладонью голову Ангелики и провел рукой по волосам.

– Тебя что-то беспокоит? – девушка придвинулась ближе, положила руку на грудь Леопольдо, заглянула ему в глаза.

– Вспомнил разговор с мамой.

– Твоя мама опять что-то про меня наговорила? Раньше я ей нравилась больше, – грусть послышалась в голосе Ангелики.

– Не говори так, – поспешил успокоить девушку Леопольдо. – Ты ей и сейчас нравишься. Просто... просто... – Леопольдо запнулся, лихорадочно соображая, что бы сказать такого, чтобы его ложь показалась правдой, но в голову ничего не шло, поэтому он ляпнул первое, что пришло:

– Просто она в последнее время не в духе.

– Это "не в духе" у твоей мамы длится уже больше года, – вздохнула Ангелика, водя ногтем по груди Леопольдо.

– Пройдет. Она всегда не в духе, когда ей что-то не нравится.

– В данном случае это я, – констатировала девушка. – Мы с твоей мамой работаем в одном офисе, но она меня как будто не замечает. Раньше такого не было. Может, она меня невзлюбила после того, как я когда-то сказала Монике, что когда-нибудь вернусь на Север, в Милан.

Леопольдо приподнял голову, обратился в слух.

– Моника все рассказывает твоей маме, – продолжала Ангелика, блуждая взглядом в темноте комнаты. – Я это знаю. Но мне, если честно, все равно. И мне все равно, что думает обо мне твоя мама, Лео. Не хочу заставлять себя подстраиваться под кого-то. Я такая, какая есть и если кому-то не нравлюсь, то это не мои проблемы.

Леопольдо подумал, что ему стоит что-то сказать, чтобы защитить мать, но промолчал. Ангелика – взрослая девушка, он ей не отец и даже не муж, чтобы поучать. К тому же он любит ее. А если любишь, то... то прощаешь, даже тогда, когда говорят не совсем приятные вещи о твоей матери. Вместо этого Леопольдо задал давно мучивший его вопрос:

– Милая, ты действительно хочешь вернуться в Милан?

– Я не знаю, Лео. Скорее всего, да. Мне нравится в Ареццо, но я соскучилась по большому городу, по жизни в большом городе, по друзьям. Со многими из них я поддерживаю отношения по мобильному или по скайпу, но сам понимаешь, живое общение ничего не заменит.

– Ты предлагаешь мне с тобой перейти на общение по телефону? А как же живое общение, которое ничего не заменит? – Леопольдо почувствовал себя обиженным.

– Что ты хочешь этим сказать? – девушка посмотрела на Леопольдо.

– Только то, что если ты уедешь на Север, то тогда нам придется общаться по телефону, а не вживую. А обо мне ты подумала? Как я буду здесь без тебя?

Ангелика смутилась, но в темноте Леопольдо этого не заметил.

– Я не думала об этом, Лео, – тихо сказала девушка. – Но если захочешь, то поедешь со мной.

– Куда?! В Милан?! И что я там буду делать? Торговать на базаре? У меня здесь работа, родители. Ты об этом не подумала?

– Нет, не подумала, – призналась Ангелика. – Но, знаешь, Лео, у меня родители в Милане, но, несмотря на это, я здесь, в Арrezzo. Что тебе мешает поступить как я? Тебе же не десять лет, что тебе постоянно нужно внимание мамы.

– Я не ты, а ты не я, – только и сказал Леопольдо. На душе стало гадко и сыро, словно дождь прошел.

– Милый, давай не будем ссориться, – Ангелика приподнялась и поцеловала Леопольдо. – Я же никуда пока не еду и даже не собиралась в ближайшем будущем.

Леопольдо не ответил на поцелуй, обида на девушку все еще терзала его сознание, мысли дикими мустангами носились в голове, не зная, куда бежать, где прятаться.

Ангелика, видя реакцию Леопольдо, вздохнула, повернулась к нему спиной и поджала ноги.

Леопольдо повернул голову и посмотрел на девушку. Желание обнять, приласкать соперничало с желанием продолжать обижаться. Леопольдо чувствовал себя глупо, не зная, какому желанию отдать предпочтение. Разум требовал отказаться от мировой, но сердце... Ах, это сердце! Горячее и живое, влюбленное и жаждущее. Маленькой обезьянкой оно прыгало в груди, желало вырваться на волю и устремиться к той, которую любило, к той, которую обожало, к той, которую боготворило.

Леопольдо не выдержал, сдался, уступил желанию любящего сердца.

– *Идиот*, – обозвал себя мысленно Леопольдо, приказал разуму заткнуться, перекатился на бок, обнял Ангелику и прошептал ей на ухо:

– Прости, самое драгоценное сокровище в моей жизни. Я так тебя люблю, что иногда поступаю как идиот.

Девушка обернулась. Темнота не смогла скрыть от влюбленного взгляда Леопольдо улыбки, сверкнувшей на лице девушки, словно молния в ненастную погоду.

– Лучше поступать как идиот, чем быть идиотом, – улыбнулась Ангелика, приподнялась и прижалась губами к губам Леопольдо.

Леопольдо обнял девушку, прижал ее к груди и долго не отпускал, все снимал и снимал нектар с ее прелестных губ.

Звук открываемой входной двери заставил Леопольдо проснуться. Он открыл глаза, приподнялся на локте и прислушался. Входная дверь скрипнула. Нет, кто-то действительно проник в квартиру.

Леопольдо насторожился, бросил взгляд за окно. Веселые солнечные лучи прыгали по крышам близлежащих домов и деревьев, разноцветными брызгами рассыпались по окнам, цеплялись за балконы и террасы. Сквозь приоткрытое окно доносились крики воробьев, далекий лай собаки, автомобильные гудки и человеческие голоса. Субботнее утро, казалось, давно уже вступило в свои права, но, бросив взгляд на часы на трюмо, Леопольдо увидел, что было только восемь часов утра.

Стараясь не разбудить Ангелику, Леопольдо выбрался из-под одеяла, набросил на обнаженное тело банный халат и двинул из спальни, на ходу вспоминая, у кого еще были ключи от квартиры. Долго размышлять не пришлось, не успел он взяться за ручку двери, как та распахнулась и на пороге комнаты появилась Паола Витале собственной персоной.

– Мама, что ты тут делаешь? – опешил Леопольдо.

– Я пришла проведать своего сына, или я не имею на это права? Что за беспорядок вы здесь развели? – Паола Витале окинула взглядом спальню, на миг задержала взгляд на Ангелике, кутаившейся в одеяло, перевела на Леопольдо. Тот пробежался взглядом по комнате, пыта-

ясь понять, где именно мать заметила беспорядок. Но все было на своих местах: одежда аккуратно сложена в шкафу, вокруг чистота и порядок, ничего лишнего. Синьора Витале еще с детства приучила сына к чистоте и порядку, любая крошка, немытая посуда, грязные носки на полу – все это было для него чуждо. Тем более странной казалась претензия матери.

– Мама́, что ты имеешь в виду? – не понял Леопольдо.

– Что я имею в виду. Вы когда последний раз убрали в квартире? – Паола Витале развернулась и направилась на кухню.

Леопольдо посмотрел на Ангелику, пожал плечами и двинулся следом за матерью.

– Мама́, к чему это шоу? – спросил Леопольдо, нагоняя мать.

– Какое шоу? Ты о чем говоришь, Леопольдо? Разве я, твоя мать, не могу прийти в выходной день провести тебя?

– Ты уже как минимум год не делала таких визитов. С чего это вдруг ты решила навестить меня и даже не подумала предупредить? А мы ведь только вчера виделись.

– С каких это пор я, твоя мать, Леопольдо, должна предупреждать тебя о своем приходе? Эту квартиру мы купили тебе с отцом, или ты уже забыл об этом? – Паола Витале открыла дверцу холодильника, окинула его содержимое скептическим взглядом и сказала, качая головой из стороны в сторону:

– Мамма mia³⁷, разве стоит удивляться тому, что ты так исхудал. Кусок пиццы, сыр, остатки копченой курицы. Да здесь тараканам даже нечем поживиться. Что ты себе думаешь, Леопольдо? – Паола Витале закрыла дверцу холодильника и посмотрела на сына. – С голоду решил умереть?

– Нам неплохо удастся питаться в кафе или пиццерии. Сама понимаешь, из-за работы редко когда есть время заниматься готовкой. Если и готовим, то на выходных. А так как ты пришла в начале этих самых выходных, то и удивляться нечему, – Леопольдо достал из шкафчика для посуды стакан, из холодильника – пакет с виноградным соком и наполнил им стакан.

– Тебе налить? – спросил Леопольдо у матери, возвращая пакет в холодильник.

– Нет... Дожили, они дома готовят только по выходным, – Паола Витале зажгла конфорку плиты и принялась рыться в шкафчиках. – Глядя на тебя, думаю, что и едите вы только по выходным. Вы оба сошли с ума: ты, Леопольдо, и твоя полентонэ... Куда вы переложили кастрюли? Я их не могу найти.

– Мое сумасшествие меня устраивает, мама́. Как и Ангелику. И тебе не стоит вмешиваться в нашу жизнь.

– Ах, мне не стоит вмешиваться в вашу жизнь?! Вот какова твоя благодарность, Леопольдо?! Это за все хорошее, что мы для тебя с отцом сделали?!

– Можешь считать и так, мама́. Ни с того ни с сего ты приходишь, будишь нас, оскорбляешь и ждешь от меня благодарности?

Паола Витале сверкнула на сына глазами, топнула ногой, пробормотала: "Это все эта полентонэ" и покинула квартиру. Леопольдо погасил газ, закрыл за матерью входную дверь и вернулся в спальню. Ангелика лежала на кровати, закутавшись в одеяло, и скользила взглядом по комнате.

Леопольдо снял халат и положил на стул, стоявший у выхода из комнаты, затем залез на кровать и забрался под одеяло, обнял девушку и прижался губами к ее волосам. Ангелика развернулась, прижала ладони к обнаженной груди, голову уперла в грудь Леопольдо.

– Неужели я, и правда, такая плохая, как думает твоя мать? – услышал Леопольдо ее грустный голос.

---

³⁷ Мать моя! (ит.)

– Нет, конечно, – Леопольдо положил ладонь девушке на плечо и принялся поглаживать его. – Не обращай внимания, милая. Это скоро пройдет. Давай сегодня куда-то съездим. Может, махнем на море, в Римини?

– Заманчивое предложение, – улыбнулась Ангелика и посмотрела на Леопольдо. – С ночевкой?

– Конечно.

– Я согласна, – девушка положила ладони на плечи Леопольдо, придвинулась ближе и поцеловала его.

Они заказали через интернет номер в отеле "Мэрано" в Римини, на виале Регина Маргерита, наскоро приняли душ, перекусили, собрались, сели в машину и поехали в Римини, до которого было не так уж и далеко, каких-то два с половиной часа езды на машине.

Время близилось к обеду, когда они добрались до Римини. На стоянке отеля оставили машину, на ресепшене взяли магнитный ключ, поднялись на третий этаж, прошли по коридору с десятков метров и оказались в номере, который представлял собой небольшую, но очень уютную комнату, оформленную в светлых тонах. Бежевые стены, белая двухспальная кровать с белой накрахмаленной простыней, белыми подушками и несколькими белыми полотенцами, сложенные горкой с краю кровати. По бокам кровати стояли две белые тумбочки, на которых одиноко грустили светильники – с серебристыми ножками, но белыми плафонами. Недалеко от кровати примостился белый стол, рядом с которым стоял белый стул. Даже пол в номере оказался белым, уложенный белыми плитками. Зато розы в стеклянной вазе на столе, и благоухавшие на весь номер, были нежно-розового цвета. Некими чужаками в этом царстве белизны и света выглядели большая фотография на стене с изображением красного бутона розы, совсем рядом с балконной дверью (которую в любой миг можно было занавесить белой тюлью, конским хвостом свисавшую с одного края карниза), и красное одеяло с причудливыми золотистыми узорами на кровати.

Завидев бирюзовое море за окном, Ангелика бросила сумочку на стол, взвизгнула, чмокнула Леопольдо в щеку и выскочила на балкон, при этом едва не сбив столик и два стула, стоявшие на балконе и поглядывавшие с завистью на Адриатическое море, блестящее в лучах полуденного солнца в паре сотен метров впереди.

Леопольдо видел, как Ангелика ухватилась за балконное ограждение и подставила лицо под легкие, теплые и нежные поцелуи морского бриза. На губах девушки блистала блаженная улыбка, ноздри трепетали, вдыхая морской воздух, глаза безотрывно следили за чайками, катерами и скутерами, пронзавшими острыми носами морскую гладь.

Леопольдо поставил сумку с вещами на пол, прошел на балкон вслед за девушкой, обнял ее за талию и положил подбородок ей на плечо. Ангелика повернула голову и поцеловала Леопольдо.

– Правда, классно? – спросила девушка, ловя взглядом храбреца, летевшего за катером на парашюте.

– Что именно? Море или тот сумасшедший на парашюте?

– Все, – рассмеялась девушка. – Пошли на пляж?

– Давай сперва зайдем, поедим где-нибудь? Я проголодался.

– Я видела ресторан, когда мы входили в фойе.

Они оставили вещи, закрыли номер и спустились в ресторан, где Ангелика взяла себе салат из овощей и пару кусочков сыра, а Леопольдо – тальяттеле³⁸ с густым соусом из говядины.

Только они принялись за еду, как в кармане шорт Леопольдо заиграла музыка.

– Кому нечего делать, что он звонит в обеденное время? – Леопольдо достал из кармана мобильник и взглянул на экран. – Мamma mia! – воскликнул он и поднес телефон к уху.

---

³⁸ Разновидность лапши, классическая итальянская паста из региона Эмилия-Романья

– Да мамá.

– Чао, Леопольдо, – раздался из динамика знакомый голос. – Вы уже проснулись?

– Мамá, мы проснулись еще тогда, когда ты пришла и нас с Ангеликой разбудила, – Леопольдо посмотрел на стывшую перед глазами лапшу и вздохнул.

– Я зашла на рынок и накупила продуктов, Леопольдо, сейчас иду к тебе домой. Хочу приготовить вам что-нибудь на ужин.

– Спасибо, мамá, но мы сегодня ужинать дома не будем. Мы в Римини. На море. Вернемся завтра.

– Зачем же я тогда купила продукты? Что я теперь с ними буду делать?

– Забери домой, приготовишь папе ужин.

– Нет, я отнесу к тебе домой, Леопольдо. Завтра приедете и что-нибудь приготовите.

– Спасибо, мамá.

– До свидания, Леопольдо.

– До свидания, мамá, – Леопольдо спрятал мобильник в карман и взялся за вилку. – Мамá, даже здесь нас нашла.

Ангелика ничего не сказала, только улыбнулась и устремила взор на бескрайние просторы Адриатического моря за окном.

– Тебе не кажется, что есть что-то волшебное в море? – спросила Ангелика у Леопольдо, когда они пришли на пляж и уже успели раз окунуться.

Теперь Леопольдо сидел на полотенце и старательно намазывался кремом от солнца.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, хотя бы вот это, – девушка кивнула на полоску прибоя, пузырящуюся белыми барашками.

С тихим шелестом волны накатывали на берег, задерживались на миг и убегали назад, убегали домой, играя в некую загадочную игру. На какой-то миг взгляд Леопольдо будто пронзил морские толщи и там, в морских глубинах, он увидел новый мир, мир столь красивый, сколь и таинственный, мир, живущий своей особенной, спокойной и даже монотонной, но совершенно не скучной жизнью, мир, не ведающий о том, что где-то над ним находится другой мир, где жизнь иная, ускоренная, как будто кто-то неизвестный нажал клавишу "перемотка" на старом магнитофоне, но так и не соизволил нажать клавишу "стоп" или хотя бы "пауза".

– Милый, ты заснул? – в сознание Леопольдо проник голос Ангелики.

– Пока нет, – улыбнулся Леопольдо. – Но ты права. В этом всем, – Леопольдо кивнул на бескрайнее море перед собой, – на самом деле есть что-то волшебное, что-то, что давно утратило ценность в нашем мире.

Теперь пришла очередь Ангелики задавать вопрос: "Что ты имеешь в виду?".

– Ты посмотри, с какой неторопливостью волны накатывают на берег, словно целуют его, при этом стараясь на как можно дольше задержать момент поцелуя. Как будто волны цепляются за настоящее, пытаются задержать его, не дать раствориться в будущем. Я смотрю на море, и будущее как будто исчезает, но стоит только отвернуться от него... – Леопольдо обернулся, взгляд его побежал по толпам снующих туда-сюда пляжников, по кафешкам, жмущимся к пляжам, точно волчата к волчихе холодной зимней порою, по крышам автомобилей, рвавшим ревом двигателей на части настоящее, словно оно было повинно в чем-то. Может, в том, что не спешило в будущее?

– Как будто два разных мира, правда? – Леопольдо улыбнулся Ангелике.

– Ну, если убрать с поверхности моря катера и скутеры, то действительно, как будто два разных мира. – Кстати, не хочешь попробовать? – девушка кивнула на парашютиста, летавшего за катером на тонком тросе.

– Нет. Зачем? Мне и здесь хорошо, – Леопольдо надел на глаза очки от солнца.

– Боишься?

– Да нет. Просто на земле я себя чувствую увереннее, чем в воздухе. Не люблю летать. Да и зачем себя лишний раз подвергать опасности. Вдруг трос оборвется.

Ангелика рассмеялась.

– А я хочу попробовать, – девушка поднялась на ноги.

Леопольдо пробежался взглядом по стройным ногам Ангелики, на мгновение задержался на желтых трусиках купальника, запрокинул голову и встретился взглядом с взглядом девушки.

– Ты, правда, хочешь это сделать?

– Ну да.

– Сумасшедшая. Может, передумаешь, пока не поздно? Ты мне нужна живая.

– Трусишка, – Ангелика рассмеялась, наклонилась и коснулась губами губ Леопольдо. – Не переживай, милый, все будет хорошо. Жди меня здесь, я скоро вернусь.

Ангелика убежала. Леопольдо проводил ее взглядом. Заметив несколько оценивающих взглядов, брошенных пляжниками мужского пола, почувствовал, как в груди просыпается ревность. Кривыми острыми когтями она коснулась его сердца, словно в раздумии, сжать его или еще поиграть, заставляя его дрожать и ждать неминуемого.

Леопольдо снова посмотрел на Ангелику, его красавицу. Какими стройными у нее были ноги, а фигурка. В какой-то момент Леопольдо захотелось, чтобы на Ангелике были не эти тонкие полоски желтой ткани, которые в действительности мало, что скрывали, но вот открывали много чего.

– *Уж очень откровенный у нее купальник*, – подумал Леопольдо, приподнявшись на локте и рассматривая обнаженные ягодички девушки вдалеке. – *И когда она его только успела купить. Кажется, я его раньше и не видел. Точно, не видел, иначе помнил бы. Зачем же так ягодички открывать?*

Не увидь, какими голодными взглядами мужчины посматривали на его Ангелику, Леопольдо вряд ли обратил бы внимание на оголенные ягодички девушки. Но сейчас, когда едва ли не все мужское население пляжа бесстыже поедало тело Ангелики, его девушки, он начал обращать внимание на все – сверхоголенные, по его мнению, ягодички, вспомнил о сосках, проступающих сквозь ткань бюстика. Черт! Каким же маленьким кажется этот бюстик! Еще немного, и грудь Ангелики просто вывалится из него!

Леопольдо почувствовал, как заколотилось в груди сердце. Сглотнул, попытался взять себя в руки. И ему это почти удалось, но на свою беду он увидел как к Ангелике, разговаривавшей с водителем катера на пристани, направился блондин лет тридцати, высокий, симпатичный, с фигурой, словно с картинки, до этого загоравший на пляже в компании друзей. Этот Аполлон, как и его компания, явно были не итальянцы. Кожа у них была светлее, а их фигурам мог позавидовать любой итальянец, если бы счел нужным конечно. На вид это могли быть немцы, а может, скандинавы – блондины, высокие, широкоплечие.

У Леопольдо перехватило дыхание, когда он увидел как Аполлон, приблизившись к Ангелике со спины, окинул ее фигурку взглядом кота, предвкушавшего пообедать вкусной мышкой, затем раскрыл ладонь с видимым намерением хлопнуть девушку по ягодичке. В горле у Леопольдо пересохло.

– *И какого черта меня дернуло предложить Ангелике поехать в Римини*, – думал Леопольдо, наблюдая за Аполлоном. – *Что же делать? Пойти влупить ему по морде? Раньше он мне влупит, да еще на виду у Ангелики. Что она тогда обо мне подумает?*

Леопольдо оторвал взгляд от блондина и окинул свою худощавую фигуру взглядом сверху-вниз.

– *Нет, мы с ним в разных весовых категориях. Но это же МОЯ девушка!* – сознание взбунтовалось. – *Тогда иди и набей ему рожу*, – приструнил себя Леопольдо.

Леопольдо не любил драться, да и никогда этого не делал. Правда, когда-то в детстве ему пришлось сойтись с ровесником, но их взаимные толчки и дракой назвать было нельзя, так,

показали свою наигранную храбрость и разбежались по домам. Когда же его мать узнала об этой потасовке, долго не выпускала его из поля зрения, все боялась, как бы кто не обидел ее драгоценного сыночка.

Леопольдо стиснул зубы, сжал ладони в кулаки. Было бы намного лучше, если бы в детстве он парочку раз кому-нибудь съездил по физиономии, тогда бы сейчас он не ощущал такого страха вперемешку с осознанием собственной немощи перед блондином и его братией. Леопольдо почувствовал, как его затрусило от бессилия.

К счастью для его гордости блондин передумал касаться ягодиц Ангелики, приблизился к ней и что-то спросил. Ангелика улыбнулась и кивнула в сторону Леопольдо. Блондин мотнул головой и снова что-то спросил. Ангелика проигнорировала слова блондина, отвернулась и продолжила разговор с водителем катера. Блондин постоял какое-то время за спиной Ангелики, словно в раздумии, затем, приняв решение, развернулся и зашагал назад к компании. Леопольдо проводил его настороженным взглядом, увидел как того встретили смехом, кто-то даже запустил блондину пальцы в шевелюру и встряхнул ее, словно та припала пылью, но вскоре уже и блондин смеялся, что-то объяснял друзьям, то и дело показывая на Ангелику, которая успела забраться в катер вместе с тремя мужчинами-итальянцами. Катер взревел, вспорол носом морскую гладь и понесся в открытое море.

Отъехав на сотню метров от берега, катер остановился. Леопольдо видел, как на Ангелику нацепили спасательный жилет, присоединили парашют. Спустя мгновение катер рванул с места, парашют за спиной Ангелики наполнился воздухом, лебедка заработала, высвобождая трос, соединявший парашют с катером. Ангелика устремилась вверх. Трос разматывался все больше и больше. С некоторым содроганием в груди Леопольдо следил за Ангеликой, которая становилась все меньше и меньше. Леопольдо смотрел на едва видимый с берега тонкий трос и надеялся, что тот выдержит, не лопнет, иначе... Леопольдо на минутку представил, что может произойти в случае разрыва, и ему стало дурно.

– Отец всевышний, убереги, – пробормотал он, не отрывая взгляда от девушки, летящей за катером высоко в небе.

К своему удивлению Леопольдо заметил, как Ангелика махнула одной ногой, затем другой, одной другой, одной другой, словно на качели каталась.

– Сумасшедшая, – Леопольдо замотал головой, будто отказываясь верить в то, что видели его глаза. – Метров семьдесят до воды, а она ногами размахалась, словно ребенок маленький. Как только ей не страшно?

Но Ангелике, похоже, было совсем не страшно, наоборот, весело. Девушка мотыляла ногами, махала руками, вертела головой из стороны в сторону, в общем, выражала эмоции, как только могла. Это, как отметил про себя Леопольдо, безумие продолжалось минут двадцать. Когда же Ангелика подбежала к Леопольдо, на губах ее сверкала широкая улыбка, глаза блестели, а на щеках все еще горел румянец.

– Ты видел? Видел?! – Ангелика чмокнула Леопольдо в губы и легла рядом. От быстрого бега грудь девушки ходила ходуном. Леопольдо задержал взгляд на бюстике. Нет, никаких сосков не видно. Только зря разнервничался. Но вот трусики.

– Видел, видел, – кивнул Леопольдо, улыбнувшись. – Ты сумасшедшая, как я и говорил.

– Попробуешь? Это так классно! Ты высоко в небе. Сначала тебе страшно, потом страх уходит, и ты наслаждаешься полетом. Попробуй! Тебе понравится.

– Не в этой жизни, милая, – Леопольдо скривился, вспомнив полет Ангелики. – А что хотел тот Аполлон? – Леопольдо кивнул в сторону блондина и компании.

– Познакомиться.

– Судя по его выражению лица, знакомиться ты не захотела.

– А зачем? У меня же есть ты, – Ангелика улыбнулась. – У меня есть свой Аполлон.

Сказано это было без намека на иронию или насмешку. Леопольдо почувствовал, как в груди разрастается тепло от осознания того, что у него не только красивая девушка, но и верная. Гордость за девушку охватила Леопольдо. Он притянул к себе девушку, шепнул на ухо: "Я люблю тебя, мое сокровище", и прижался губами к ее губам.

Глава 4

Мать Леопольдо оказалась права насчет возможного увольнения Ангелики: три дня спустя, когда Леопольдо и Ангелика ехали домой с работы, девушка сообщила, что ее собираются уволить по сокращению штатов. Леопольдо попытался приободрить Ангелику, сообщив, что его зарплаты хватит, чтобы прокормить двоих. А там, даст бог, Ангелика и работу найдет. Но Ангелика совершенно не выглядела расстроенной, наоборот, улыбалась и, судя по виду, витала мыслями в облаках. Поведение Ангелики Леопольдо показалось странным. Будь он на ее месте, как минимум месяц убивался бы из-за потери работы и это во время кризиса, продолжавшего гулять по миру уже который год. Найти хорошую работу в таком небольшом городке как Ареццо и в обычное время было не так уж легко, сейчас же и подавно.

Всю дорогу, что они добирались домой, Леопольдо ломал голову над загадочным поведением девушки. И, тем не менее, не спешил задавать вопросы, надеясь, что Ангелика сама ему все расскажет. Но время шло, а девушка ничего не говорила, точнее, говорила, но не то, что хотел услышать Леопольдо – комментировала, что видела за окном машины и ни слова о будущем, будто забыла о его существовании.

Когда же они вошли в квартиру, Леопольдо, вконец измученный собственными подозрениями и догадками, положил ладони Ангелике на плечи, развернул девушку к себе лицом, поцеловал и сказал:

- А теперь давай рассказывай. Что у тебя на уме?
- Ты о чем? – Ангелика выглядела удивленной.
- Тебя увольняют, но тебе такая ситуация, кажется, даже нравится.

Ангелика обвила шею Леопольдо руками, поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам. Леопольдо положил ладони девушке на талию, скользнул с блузки на юбку, сжал ягодички, такие мягкие, такие влекущие. Не успел опомниться, как его охватило возбуждение.

– Нет, милая, так дело не пойдет, – Леопольдо силой воли подавил желание, убрал руки с женских ягодиц, отступил на шаг от Ангелики и заглянул девушке в глаза. – Когда ты так делаешь, это значит, что ты хотела бы уклониться от разговора. За два года я тебя неплохо изучил. Давай, рассказывай, что и как, и без утайки.

Веселый смех Ангелики наполнил квартиру. Внезапно он смолк, девушка приблизилась к Леопольдо, обняла его за талию и положила голову ему на грудь. Леопольдо уловил носом цветочный аромат туалетной воды, исходящий от девушки, и почувствовал, как возбуждение снова заявило на него свои права. Змеим-искусителем оно проникло в сознание, сладким влечением отозвалось в паху, обещая невероятное наслаждение, высшее блаженство уже сейчас, уже здесь, на земле, а не на небе. Леопольдо попытался отвлечься. С трудом, но ему это удалось сделать. Мысли его потекли в другом направлении, подумал об увольнении Ангелики и том, что из этого может получиться. Найти работу девушке будет трудно. По специальности. Какую-нибудь – не проблема, а вот журналистом. Кризис отразился не только на покупательской способности людей, но и на их желании читать. Читать стали меньше, соответственно и покупать стали меньше. Тиражи газет и журналов упали. Крупные издательства, редакции, а такие в основном находились в крупных городах, чтобы остаться на плаву сокращали штат, тиражи, а вот мелкие – закрывались. Все это Леопольдо знал не понаслышке: и мать, и девушка работали в издательском бизнесе, поэтому часто последние новости он узнавал из первых уст.

Какое-то время они стояли, молча, обнявшись, затем Ангелика взяла Леопольдо за руку и повела в залу. Они опустились на диван, при этом Леопольдо не переставал ощущать волнение в груди. Появился страх, просочился в сознание, точно как вождение минуты назад и заставил тревожиться сердце. Плохое предчувствие не покидало Леопольдо. Мысли наподобие: "Мне все это не нравится", и "Она как будто решила со мной расстаться" вороньей стаей

принялись носиться из одного закутка сознания в другой, сосредоточив на себе все внимание Леопольдо.

– Я не говорила тебе, – начала Ангелика, сверля взглядом темный экран телевизора напротив, – не хотела тебя расстраивать раньше времени, – но о своем увольнении я знала давно. Не знаю, правда это или нет, но поговаривают, что лично к моему увольнению приложила руку синьора Витале, – Ангелика посмотрела на Леопольдо и положила палец на его губы, заметив, что тот порывается что-то сказать, по всей видимости, что-то в защиту матери, – дай мне договорить, пожалуйста... Но если это и так, то я совершенно не в обиде на твою мать. Я верю в то, что, что ни происходит, все к лучшему... Помнишь, как-то я тебе говорила о том, что раньше думала о возвращении в Милан и... – девушка не договорила, так как Леопольдо вскочил на ноги и принялся ходить по комнате.

– Я так и знал! Так и знал! – кричал он, то и дело стреляя в Ангелику глазами, которые в эти мгновения ничего не выражали кроме злости вперемешку с болью и страхом быть брошенным. – Ты решила уехать на Север! Мать была права – ты карьеристка! Только о себе думаешь! А мне как быть?! Обо мне, конечно же, ты не подумала! Ты решила растоптать нашу любовь и все ради чего?! Ради карьеры?!

Леопольдо ходил по зале, размахивая руками и пыхтя то ли от страха, то ли от негодования. Сейчас он был похож на обиженного маленького мальчика, у которого забрали любимую игрушку, обещали вернуть, но так и не вернули.

– Cretino! Stupido!³⁹ – повторял Леопольдо, наяривая круги по комнате. – Влюбился как мальчишка... Только о себе думаешь. Только о себе.

Ангелика опустила голову, свела руки на коленях и молчала, ожидая, когда Леопольдо успокоится. Видя, что тот и не думает утихомириваться, девушка подняла голову, посмотрела на Леопольдо и тихим, но твердым голосом произнесла:

– Леопольдо, не веди себя как ребенок. Успокойся, иди, сядь возле меня и дай мне договорить, иначе ты можешь сказать такое, о чем потом будешь сожалеть до конца жизни.

Леопольдо остановился, руки опустились, несказанные слова застряли в горле. Ангелике не надо было быть экспертом в психологии, чтобы понять, что Леопольдо сейчас больше напуган, чем раздражен: даже невооруженным взглядом было заметно, как трусятся его руки, глаза превратились в маленькие блюдечки, зубы покусывали губы. Таким Ангелика Леопольдо раньше никогда не видела, но и слова, которые собиралась сказать ему в эти мгновения, также раньше никогда не говорила. Девушке стало жалко Леопольдо, ей захотелось обнять его, успокоить, прижать к груди, словно маленькое, напуганное громом и молнией дитя, но понимала, что лучше этого не делать, дабы не ввести Леопольдо в еще более жалкое состояние.

Леопольдо был у Ангелики далеко не первым парнем, поэтому такая реакция Леопольдо была для нее знакома. Не раз и не два девушка видела на лицах бывших парней точно такое же как у Леопольдо выражение лица, в частности на лицах тех, кого собиралась бросить или кто сам думал, что его собираются бросить. Но Ангелика не хотела расставаться с Леопольдо, он ей нравился и даже больше – она его любила. Несмотря на некоторые как для нее недостатки в его характере – слабоволие, некоторый эгоизм, вспыльчивость, жизненную пассивность и даже некоторую трусость, Леопольдо в целом был хорошим парнем – добрым, заботливым, нежным, а главное, любящим и верным. О таком другая могла даже мечтать. Когда-то и Ангелика о таком парне мечтала. Только вот большей частью попадались то маменькины сынки (впрочем, и Леопольдо таким когда-то был, но после встречи с Ангеликой мать оказывала на него уже меньшее влияние), то жестокие эгоисты, то вместо мозгов – пенис; такие ни одну юбку не пропустят, обязательно, как собаки не поленятся заглянуть под чужой хвост. Ошибок в своей

---

³⁹ Идиот! Дурак! (ит.)

жизни Ангелика успела совершить достаточно, чтобы в какой-то момент сказать себе: "Все! Хватит!". И это "хватит" протянулось до знакомства с Леопольдо.

Первое время Ангелика не доверяла Леопольдо. Затем привыкла, узнала лучше, в конце концов, влюбилась, впустила его в свое сердце, так как поняла, что такой как Леопольдо не обманет, не сделает в очередной раз больно. Поэтому, сидя в эти минуты в его квартире, Ангелика даже и не думала расставаться с Леопольдо, конечно, если обстоятельства не вынудят, а вот что касалось обстоятельств, то...

– Милый, ты идешь? – поторопила она Леопольдо, даже похлопала по коже дивана, приглашая сестр рядом.

Некоторое время Леопольдо продолжал стоять, не двигаясь, только глаза бегали, да тело сотрясала мелкая дрожь.

Наконец Леопольдо двинулся с места, приблизился к Ангелике и опустился на сидущку дивана, накрыл ладонью ладонь девушки и сжал. Ангелика улыбнулась, наклонилась к Леопольдо и прижалась губами к его щеке, на секунду-другую задержалась, обдавая его ароматом туалетной воды и теплом своего тела.

– Успокоился, милый? – голос Ангелики проникся заботой и нежностью.

Леопольдо наполнил грудь воздухом, на миг задержал дыхание и выпустил воздух. Дрожь перестала сотрясать его тело, морщинки на лице распрямились, испуг покинул его глаза.

Леопольдо прижал ладонь Ангелики к губам.

– Прости меня, – прошептал он, не переставая покрывать поцелуями внешнюю сторону ладони девушки.

– Все хорошо, Лео, – губы Ангелики тронула улыбка. – Я могу продолжать?

– Да, конечно, – Леопольдо положил голову на спинку дивана и устремил взгляд в белый, как заяц-беляк, потолок. Рука его по-прежнему не выпускала руки Ангелики. Грудь поднималась медленно, словно с неохотой.

Ангелика подтянула ноги, придвинулась к Леопольдо, уложила голову ему на плечо. Леопольдо почувствовал, как волосы девушки защекотали ему шею и подбородок. Он выпустил руку Ангелики, но лишь для того, чтобы взять ее другой рукой, освободившуюся же руку положил девушке на голову и принялся поглаживать ее волосы.

– Милый, ты же сам понимаешь, найти работу журналистом здесь, в Аресцо, мне не удастся, а сидеть у тебя на шее я не хочу. Я не вижу другого выхода, как возвращаться в Милан. Я уже успела позвонить Альфредо, Монике, Симоне. Ты помнишь их? Мы встречались с ними, когда ездили в Милан к моим родителям.

– Помню, – отозвался Леопольдо, продолжая гулять взглядом по потолку.

Альфредо, Моника и Симону он помнил. Они работали вместе с Ангеликой, когда та еще жила в Милане. Альфредо он большей частью помнил по отсутствию волос на голове. Худой, высокий, с глазами навывкате. Он был похож на Пьер-Луиджи Колину, известного футбольного рефери. Как и Колину Альфредо красавцем назвать было нельзя, но харизмой обладал не менее сильной, чем Колина.

Моника была невысокого роста, веселой, бесшабашной девчонкой и совершенно некрасивой, по мнению Леопольдо, но самой Монике от отсутствия красоты было ни холодно, ни жарко. Свою долю мужского внимания и комплиментов она получала. К тому же девушка была с изюминкой. Это отмечал даже Леопольдо, хотя в чем именно заключалась эта изюминка, Леопольдо сказать не брался. Знал только, что с Моникой было весело и интересно, а еще она любила посещать всевозможные тусовки и вечеринки, на которые часто захаживали звезды эстрады, кино и телевидения.

А вот Симона, в отличие от Моника, Леопольдо даже нравилась. Симпатичная, высокая, черноволосая как Ангелика и такая же фигуристая, только вот в отличие от Ангелики любила поговорить и неважно о чем: погода, политика, новая прическа у какой-нибудь звезды

или новый ее роман – все это было неважно. Важным был только сам разговор, а еще собеседник. Как заметил в свое время Леопольдо, Моника предпочитала компании девушек компании мужчин, но это, по мнению Леопольдо, девушке было даже к лицу, так как в окружении мужчин Моника становилась еще краше, расцветала, словно роза посреди поля, полного чертополоха. Леопольдо не завидовал парню Моника (знаком с ним не был, но это и не удивительно, так как Моника меняла парней так же часто, как и обувь), понимал, что за такой как Моника нужен был глаз да глаз. Не то что его Ангелика.

Леопольдо оставил воспоминания в покое, оторвал затылок от спинки дивана и поцеловал девушку в макушку. Его Ангелика, его любовь, его жизнь. Печаль охватила Леопольдо. На миг ему показалось, что Ангелика отдалилась от него, словно уже уехала в Милан, а не сидела рядом, тревожа горячим дыханием кожу его шеи.

– Они обещали помочь с работой. Возможно, мне удастся вернуться в "La Gazzetta dello Sport"⁴⁰. По крайней мере, Моника сказала, что Винченцо будет только рад, если я вернусь туда.

– Винченцо, – выдохнул Леопольдо, чувствуя, как ревность кандалами сковывает его сознание.

В его памяти еще свежи были слова Ангелики, сказанные ею в далеком прошлом о том, что Винченцо, ее шеф, не раз пытался затащить ее в кровать. Правда, к чести девушки стоит заметить, что ему это так и не удалось. Как и не удалось многим другим падким на красивое молодое женское тело. Ангелика не была любительницей секса на один-два раза. Для нее это было все равно что бесплатная проституция. В этом плане Ангелика была настроена категорично: если спать, то только с человеком, к которому испытываешь не только влечение, но и доверие. Доверяла же новым людям Ангелика не сразу, поэтому многим бывшим парням Ангелики, чтобы затащить девушку в кровать, приходилось ходить не солоно хлебавши не одну неделю, а то и не один месяц. Многим из них такое поведение Ангелики не нравилось, поэтому они спешили с ней попрощаться, но таковы были правила игры – если они тебе не нравились, тебя никто не держит.

Леопольдо также не стал счастливчиком, которому повезло оказаться в постели с Ангеликой уже на следующий день после их знакомства. Прежде чем увидеть девушку обнаженной, он несколько месяцев ухаживал за ней, но против этого ничего не имел. Во-первых, уважал правила, установленные Ангеликой. Во-вторых, влюбился в девушку, попал на крючок, с которого сорваться было уже не так просто, да и не думал об этом, ведь этого не хотело его сердце.

Услышав вздох Леопольдо, Ангелика запрокинула голову и искала глазами его глаза.

– Мой ревнивец, – девушка улыбнулась и почесала нос о подбородок Леопольдо. – Не стоит ревновать к Винченцо. Если ему не удалось переспать со мной раньше, то теперь, когда у меня есть ты, у него это тем более не получится. Не бойся. Все будет хорошо.

Винченцо был главным редактором "La Gazzetta dello Sport" и в полной мере пользовался служебным положением. Леопольдо ни разу не встречался с Винченцо, но по описанию, данному Ангеликой, понял, что это еще тот типчик. Среднего роста, коренастый, жилистый, с жесткими и даже жестокими чертами лица, маленькими пороссячими глазками и недовольным взглядом. Весь его внешний облик как будто говорил: "Держитесь от меня подальше, а не то пеняй на себя".

– Я не боюсь, – Леопольдо поцеловал Ангелику в лоб. – Если бы не знал тебя, тогда бы боялся, а так... Мне неприятно, что этот кретин будет виться вокруг тебя.

– Вокруг меня многие мужчины выются, – Ангелика провела языком по шее Леопольдо, словно пробуя его кожу на вкус. – Но разве это что-то меняет? Мужчины продолжают виться вокруг меня, но сплю-то я только с одним из них; вот уже два года.

---

⁴⁰ Итальянская ежедневная спортивная газета, главный офис которой находится в Милане

Леопольдо улыбнулся, опустил взгляд, поймал губами губы Ангелики. Мягкие и нежные, зовущие и возбуждающие. Будь его воля, он целовал бы их целую вечность. К сожалению, это было не в его мизерных человеческих силах. Как известно, человеческая жизнь и вечность несовместимы.

Рука Леопольдо накрыла щеку Ангелики, в то время как губы продолжали наслаждаться вкусом ее губ. Его снова охватило возбуждение, но на этот раз он и не думал сопротивляться. С каждой секундой оно становилось все сильнее. Его рукам было мало ощущать кожей ткань блузки, его губам захотелось свободы, появилось желание насытиться вкусом и других частей тела девушки, таких же восхитительных и желанных.

Желание, будто торнадо, налетело на Леопольдо. Словно медведь после долгой зимней спячки в трусах ожил пенис, задвигался, предвкушая скорое удовольствие.

Ангелика также возбудилась, покраснелась, дыхание сбилось, прекрасные черные волосы, минуту назад аккуратно собранные в хвост, теперь растрепались под пристальным вниманием то одной, то другой руки Леопольдо. Словно повинувшись внутреннему импульсу, Ангелика провела рукой по груди Леопольдо, коснулась ремня, двинулась дальше и накрыла оживший пенис, сжала его, отпустила, затем расстегнула ширинку на брюках Леопольдо и запустила ладонь внутрь, нащупала сквозь трусы пульсирующую плоть – живую, горячую, влекущую. Миг спустя Ангелика скользнула рукой Леопольдо в трусы.

– Мы так и не договорили, – тишину комнаты нарушил надтреснутый голос Леопольдо.

Леопольдо прекратил целовать шею девушки, расстегнул пуговицы на ее блузке и накрыл ладонью грудь девушки, спрятанную за бюстгалтером, как древний город за крепостными стенами.

Ангелика вытащила пенис Леопольдо из штанов сквозь расстегнутую ширинку, оттянула крайнюю плоть на головке, вернула на место, повторила.

– Так ты хочешь договорить? – Ангелика рассмеялась, рука сильнее сжала пенис, двинулась вниз, затем вверх, вниз-вверх.

– Черт! Нет! – охнул Леопольдо, схватил девушку за лицо и впился губами в ее губы. Рука забралась под бюстгалтер и сжала грудь. По его телу пробежала дрожь. Ангелика также ее почувствовала, продолжала двигать рукой, затем наклонилась и обхватила губами пульсирующую плоть.

Леопольдо застонал. Одна рука легла девушке на спину, вторая – на ягодицу, начала неспешно поглаживать ее сквозь тонкую ткань юбки. Минуту спустя Леопольдо задрал Ангелике юбку, проник рукой под трусики и коснулся половых губ девушки – мокрых, зовущих к себе, словно песня сирены моряков. Со стороны расстегнутых брюк Леопольдо донесся тихий всхлип. Леопольдо нащупал пальцами заветную горошину, и всхлип перерос в стон.

– Иди ко мне, малышка, – прошептал Леопольдо, развернул девушку лицом к себе, поцеловал, снял с нее блузку и бросил на пол. Миг спустя вдогонку за блузкой устремился бюстгалтер.

Ангелика поднялась в полный рост. Леопольдо стянул с нее трусики и приник губами к заветной горошине. Девушка всхлипнула, запрокинула голову и закрыла глаза. Руки ее легли на голову Леопольдо, будто в некоем жесте благословения. Губы Леопольдо оставили заветную горошину, спустились ниже и принялись целовать кожу на внутренней части бедра Ангелики. Между тем его руки, будто пламя костра, взметнулись вверх и легли девушке на ягодицы, сжали их, скатились вниз по бедрам.

– Я хочу тебя, – шепнул Леопольдо, провел пальцами по животу Ангелики, накрыл груди, затем обхватил девушку за талию и потянул вниз.

Ангелика опустилась на колени, взяла в руку пенис Леопольдо и направила внутрь себя. Сладкой волной окатило сознание Леопольдо, когда его пенис проник внутрь девушки, руки накрыли ее груди, губы поцеловали один сосок, другой.

Леопольдо обнял Ангелику и прижал к груди, будто оберегая от притязаний окружающего мира. Внезапная мысль влетела в сознание и забила там испуганной ласточкой, заставила его вернуться в настоящее. Что он будет делать, если Ангелика уедет в Милан? Как будет без нее? Как будет жить без этого волшебного тела, дарящего ему невероятное наслаждение, милых глаз, влюбленный взгляд которых так дорог его сердцу, сладких губ, одно прикосновение к которым способно вознести его на небеса?

Леопольдо сильнее прижал к себе Ангелику. Девушка медленно двигала тазом и даже не подозревала о душевных муках, терзавших ее возлюбленного. Глаза ее были закрыты, губы слегка подрагивали, тело покрылось капельками пота. Стоны девушки прогнали прочь тишину, и даже тьма, сгустившаяся за окном, казалось, боялась проникнуть в комнату, наполненную удивительной страстью и чувственностью.

В уголках глаз Леопольдо начали собираться слезы. Как он будет без нее? Сознание гие-ной терзал наболевший вопрос. Как он будет без той, которая навсегда завладела его сердцем, его телом и разумом? Легче остаться без правой руки, чем без этого сокровища, подаренному одному из смертных небесами. Его сердце стучало так, словно сошло с ума, кровь пульсировала в висках, а тело взмокло. Он чувствовал, как под его руками трепещет тело Ангелики, как пылает огнем и страстью. Нет! Он никому ее не отдаст. Пусть небеса рухнут в безумной попытке отнять ее у него. Он не отдаст! Никому! Никогда! Его сердце выбрало. Оно хочет, нет, жаждет быть рядом с ее, любящим и пылким сердцем.

– Я люблю тебя, малышка, – одной рукой Леопольдо обнял Ангелику за талию, надавил, вынуждая ее прекратить движение, ладонь второй руки запустил девушке в волосы и приник губами к ее губам. Девушка сомкнула колени, обвила руками шею Леопольдо и прижала грудь к его груди. Минуту, а может быть, и пять они не двигались, все никак не желая разъединять губы, сомкнутые в порыве бьющей через край страсти. Их тела словно слились, стали одной плотью, горячие сердца бились в унисон, гулко, будто хотели, чтобы весь мир узнал об их наполненной жизнью невероятной любви друг к другу.

Только сейчас Леопольдо понял, как сильно любил Ангелику. Такой силы любовь он не испытывал ни к кому прежде и ни желал испытывать ни к кому в будущем. Только к ней, к его любимой, обожаемой Ангелике.

– Я никому тебя не отдам, малышка, – Леопольдо положил ладони Ангелике на щеки и заглянул девушке в глаза. – Ты дороже всего, что у меня когда-либо было или будет. Ты смысл моей жизни. Без тебя моя жизнь станет пустой. Куда бы ты ни отправилась, я поеду вслед за тобой.

Леопольдо даже и не заметил, как из его глаз одна за другой скатились по щекам две слезинки, на миг застыли на подбородке и рухнули вниз, на колени Ангелики. Глаза девушки наполнились слезами, губы задрожали, изогнулись в радостной улыбке. Спустя мгновение Ангелика бросилась Леопольдо на шею, их губы снова соединились. Тела вновь вспыхнули невероятной страстью, сердца застучали с еще большей силой, разгоняя горячую кровь, питавшую эту самую страсть.

Леопольдо уложил Ангелику на спину.

На улице сгустилась тьма, приникла к окну, заглянула в комнату и задрожала от увиденного. Хотела отпрянуть, но словно магнитом влекло ее назад к окну, за которым два человеческих тела слились на диване в одно, забыв обо всем на свете, о настоящем и будущем, о жизни и смерти, растворились друг в друге, стали одним целым.

А по небу, рассекая небо, накинув на плечи черный плащ, плыл месяц. Гордый и одинокий, он отстраненным, несвойственным этому миру взглядом поглядывал на миллионы звезд, своих вассалов, выстроившихся длинными рядами и смотревших на своего повелителя в немом восхищении, приветствовали его ярким блеском своих белых, желтых, голубых тел, подмигивали ему, желая привлечь внимание, но все было напрасно. Месяц не видел их мер-

цающего блеска, не замечал их подмигиваний. Словно влюбленного, оставленного строптивой подружкой, его занимали собственные мысли и печали. В конце концов, устав от пристального внимания к собственной персоне, месяц спрятался за ближайшее облако, оставив миру лишь память о себе.

Глава 5

– Твоей маме это не понравится, – сказала Ангелика на следующее утро Леопольдо, когда они собирались на работу.

– Ей придется смириться. Другого выхода для нее я не вижу, – Леопольдо застегнул пуговицы рубашки, взглянул в зеркало трюмо, расстегнул верхнюю пуговицу.

Ангелика приблизилась к нему сбоку, положила руки на плечо, сверху уложила подбородок и устремила взгляд в зеркало, прямо ему в глаза.

– Тебе не обязательно бросать здесь все и ехать со мной в Милан. Мы можем попробовать встречаться на расстоянии. Будем приезжать друг к другу раз или два в неделю.

Леопольдо посмотрел на изображение девушки в зеркале: заглянул ей в глаза, опустил взгляд и пробежался по ее великолепному телу, на котором кроме белого нижнего белья больше ничего не было, вернул взгляд к глазам девушки. Видеть Ангелику раз или два в неделю? Да это издевательство над самим собой. Он хотел ее видеть каждый день. Каждый день хотел ощущать руками нежность ее кожи, целовать ее губы. Ему было страшно. Очень. Всю свою жизнь он прожил в Ареццо. Здесь у него была родня, друзья, работа, в конце концов. Не так просто взять все и бросить, начать жизнь заново, к тому же без основательной на то причины. Как ни крути, а девушка вряд ли достаточный повод для ломки собственной жизни. К тому же его жизнь его более чем устраивала. До сих пор.

– *Может, не стоит спешить*, – думал Леопольдо, отвернувшись к окну, где теплые лучи солнца рождали новый день. – *Поживем какое-то время раздельно. Говорят, расстояние только усиливает любовь, а кто-то...кто-то говорит, что убивает. Но что если у нее там кто-нибудь появится? Ангелика красивая девушка, а там, в большом городе, от желающих переспать с ней отбоя не будет. Я доверяю Ангелике, но, черт, это жизнь, всякое может случиться. Нет. Я должен ехать в месте с ней. Мне так будет спокойнее.*

– Отношения на расстоянии – это ненормально, – нарушил Леопольдо затянувшуюся паузу, посмотрел в зеркальное отражение глаз Ангелики, вытянул руку и обнял девушку за талию.

– *Нет, я действительно не смогу долго без нее*, – думал Леопольдо, ощущая ладонью тепло тела девушки. – *Как-то да будет. Если будет очень тяжело, всегда есть возможность вернуться.*

– К тому же я уже все решил, – Леопольдо отвернулся от зеркала, посмотрел на Ангелику и поцеловал. – Ммм, какая вкуснотища. И ты хочешь меня этого лишить? И не надейся.

Ангелика рассмеялась, провела ладонями по рукам Леопольдо, обнимавшим ее за талию, затем обвила руками шею Леопольдо, приподнялась на цыпочках и вернула Леопольдо поцелуй.

– Давай не будем спешить. Как видишь, я еще здесь, в Ареццо... Мне пора одеваться. Ты же помнишь, у меня сегодня последний рабочий день в "Bon appetit!". Вряд ли сегодня стоит опаздывать, – сказала Ангелика и продефилировала к одежному шкафу.

Леопольдо смотрел ей вслед, любовался безупречностью ягодич, стройностью ног. Мысленно он успел раздеть девушку и теперь сравнивал мысленный образ с тем, что видели его глаза, пытаясь определить, какая Ангелика красивее – та, что в белье перед его глазами или та, что нагая перед его мысленным взором.

– Нет, это невозможно, – сдался он. – Это все равно, что сравнить восход солнца на безоблачном небе с восходом на небе с облаками. Восход, что так, что иначе – красив.

– Что ты говоришь, милый? – Ангелика вытащила из шкафа голубую блузку. – О каком восходе солнца ты говоришь?

– Я пытаюсь понять, в каком виде тебе лучше всего – в обнаженном или в белье.

– Да? – Анжелика отвела взгляд от блузки и посмотрела на Леопольдо. – И что ты решил?

– Ты прекрасна, моя любовь, что в одежде, что без нее. Ты невероятно сексуальная девушка.

– Правда? – Ангелика вернула блузку в шкаф, оперлась о дверцу шкафа руками, затем стрельнула глазами в Леопольдо, улыбнулась, облизала языком губы и начала медленно прогибать спину. – Значит, я невероятно сексуальная?

Взгляд Леопольдо скользнул со спины девушки на ягодицы, соскочил туда, где под трусиками скрывались половые губы. Леопольдо бросило в жар. Пот выступил на лбу. В трусах стало тесно.

– О, черт! Милая, ты это специально делаешь? – простонал Леопольдо, закусил губу и подрубленным деревом рухнул на кровать, заставив ее жалобно скрипнуть.

Звонкий смех Ангелики заполнил комнату. Не успел он умолкнуть, как Леопольдо подскочил с такой скоростью, будто загнал в задницу иголку.

– Дерьмо! – крикнул он, расстегивая пуговицы рубашки. – Придется переглаживать рубашку, а нам уже пора выходить из квартиры.

Ангелика приблизилась к Леопольдо, заглянула ему за спину, подергала за рубашку и сказала:

– Ничего не надо переглаживать. Она не помялась.

– Точно?

– Точно.

– Я люблю тебя, милая, – руки Леопольдо скользнули Ангелике под блузку, обвили талию и прижали девушку к его телу.

– А я тебя, – счастливая улыбка засверкала на губах Ангелики.

Их губы встретились. На некоторое время реальность исчезла для них, растворилась в том океане чувств, которыми были наполнены их сердца.

Через несколько дней Ангелика сообщила Леопольдо о звонке Моники, обрадовавшей ее новостью: Винченцо согласился взять Ангелику штатным журналистом в редакцию "La Gazzetta dello Sport". Монике даже не пришлось его упрашивать. Правда, Винченцо не преминул поинтересоваться у Моники семейным положением Ангелики. Услышав, что у Ангелики есть парень в Ареццо, Винченцо несколько не расстроился, только попросил передать Ангелике, что ждет ее в ближайшие несколько дней в своем миланском офисе.

Ангелика радовалась скорому возвращению домой и встрече с родителями, Леопольдо же большей частью хмурился, так как теперь отъезд Ангелики в Милан превратился из чего-то иллюзорного во вполне ожидаемую вещь. А он-то надеялся, что Ангелика будет его радовать своим присутствием еще неделю, а то и все две. Сейчас же, когда реальность обрушилась на него точно град среди жаркого лета, он растерялся, и его твердость в ранее принятом решении ехать за Ангеликой хоть на край земли, начала покрываться тонкой сетью сомнений и страхов. Даже монологи, которые он без устали вел с собой, оставаясь наедине, не могли вернуть ему былой уверенности. Часто ему казалось, что порой жизнь бывает очень жестокой. Зачем Ангелике ехать в Милан? Разве они не могут жить какое-то время, пока девушка не подыщет себе работу, на его зарплату?

К тому же и родители не оставят их в беде, ни его, ни Ангелики. А если так, то почему бы Ангелике не остаться в Ареццо?

Но девушка оставалась непреклонной. Она скучала по яркой жизни большого города, по друзьям и, конечно же, по родителям. Здесь же, в Ареццо, в последнее время она себя чувствовала, словно птица в клетке. Маленький, тихий Ареццо, где все знают друг друга, словно являются членами одной большой семьи, действительно стал для девушки чем-то сродни клетке, а ей хотелось большего, новых впечатлений, новых знакомств, поехать за границу и посмотреть мир, ведь он такой красивый! Леопольдо этого не понимал. Ему для того, чтобы жизнь

превратилась в *la dolce vita* достаточно было любящей жены, парочки красивых детишек, стабильной и ни в коем случае не изматывающей работы, одной-двух поездок в месяц на море, ну и друзей, с которыми можно было бы при случае обсудить погоду или новые налоги. Леопольдо был готов, да и хотел бы провести всю свою жизнь, не покидая Италии. Все это в полной мере соответствовало его пониманию *la dolce vita*, как и пониманию его родителей, которые во многом стали для Леопольдо объектом для подражания. Родители Леопольдо никогда не покидали Ареццо. Вся их долгая жизнь прошла в этом городке, поэтому неудивительно, что и Леопольдо не искал большего. Не искал, в отличие от Ангелики. Мать девушки не побоялась в свое время переехать не то что в другой город, а в другую страну, оставила Украину (на то время еще бывшую в составе СССР) и переехала в Италию. Поэтому для Ангелики было вполне нормальным поменять один город на другой. Еще с детства девушка усвоила от матери простую жизненную истину: человек не дерево.

Видя, что Ангелика не изменит принятого решения, Леопольдо оставил попытки убедить девушку остаться в Ареццо. Вместо этого задумался о том, что ждет его в ближайшем будущем. Леопольдо не так пугался переезда в другой город, как предстоящего увольнения. Что он скажет на работе? Что скажет матери? Что хочет быть рядом с Ангеликой. Они точно решат, что он рехнулся, особенно мать. Она ему этого не простит. И что делать с квартирой? Оставить родителям, а они пусть решают, что с ней делать: сдать в аренду или закрыть на ключ, надеясь на скорое возвращение ненормального сына. О продаже квартиры Леопольдо даже и не помышлял. А вдруг, и правда, вернется через какое-то время. Не к родителям же возвращаться, хотя такая мысль была заманчива. Но для того, чтобы вернуться к родителям, Леопольдо надо сначала расстаться с Ангеликой, а вот этого он конечно же не хотел. Вполне возможно – хотя надежды на это было мало – ему удастся рано или поздно уговорить Ангелику вернуться в Ареццо, а тогда квартира им будет очень кстати.

Решили, что Ангелика уедет в Милан первой, Леопольдо же присоединится к ней со следующего месяца. За ту неделю, что оставалась до начала августа, Ангелика собиралась найти для Леопольдо работу в Милане. Как-никак, но Милан не маленький Ареццо. Огромный город с неисчерпаемыми возможностями. Ангелика была уверена, что Леопольдо без работы не останется. Уверенность девушки передалась и Леопольдо, и последние два дня, что оставались до отъезда Ангелики, он провел, забыв о волнениях по поводу собственного будущего в чужом городе. Даже матери решил ничего не говорить о возвращении Ангелики на Север, так как чувствовал, что та такому повороту событий только обрадуется. О собственном отъезде Леопольдо также пока помалкивал, был нем как рыба, не желаяшний раз выслушивать материнские упрёки и возражения. "Обрадовать" мать новостью он еще успеет. Решил, что сделает это не раньше дня собственного отъезда.

Черное покрывало ночи мягко касалось спящего городка. Тишина плыла над домами и улицами, скользила по крышам, цеплялась за ветви деревьев, ползла по каменной брусчатке, заглядывала в выхлопные трубы припаркованных автомобилей, пряталась в кустах, в испуге жалась к окнам, в которых горел свет, облегченно вздыхала, когда он гас.

Городок спал, убаюканный тихой песней далеких звезд, легким шепотом ветерка, шелестом листвы на деревьях, редким вскриком ночной птицы.

Леопольдо лежал на боку, подперев голову одной рукой, а второй играл с челкой Ангелики: приподнимал ее указательным пальцем, затем средним и безымянным. После провел ладонью по голове девушки, соскользнул на плечо. Рука Леопольдо накрыла тыльную сторону ладони Ангелики, придавившую простыню, пальцы переплелись с ее пальцами.

Сегодня на душе у Леопольдо было серо и сыро. Завтра утром девушка уезжала в Милан. Вещи были собраны, сумки одиноко стояли посреди огромной залы и ждали утра. Как ни убеждал себя Леопольдо, что расстанется с Ангеликой ненадолго, всего лишь на какие-то полторы-две недели, смириться с ее отъездом было тяжело, особенно сейчас. В голове было словно

в покинутом жителями городе, тихо и даже как-то жутко. Изредка то одна, то другая мыслишка выползала из подсознания, как крот из-под земли на бескрайние просторы сознания, оглядывалась в поисках жизни, и не найдя таковой, возвращалась в подсознание. Апатия и безразличие сковали тело Леопольдо так же надежно, как и пустота сознание. Он просунул пальцы между пальцами Ангелики и согнул их, тем самым приподняв ладонь девушки над простыней.

Девушка только недавно вышла из ванной. В банном халате и мягких тапочках, которые то ли забыла снять, то ли специально оставила на ногах, она лежала, закрыв глаза на боку рядом с Леопольдо. Легкая полуулыбка играла на ее губах.

Взгляд Леопольдо столетним стариком передвигался по лицу Ангелики: лоб, глаза, нос, губы, щеки. Возвращался к глазам, снова сползал к губам, словно все никак не мог запомнить очертания этого прекрасного лица.

Леопольдо подумал, что не увидит этих глаз и губ почти полмесяца, и от осознания этого его тело ожило. Леопольдо приподнялся на локте, приблизил лицо к лицу Ангелики и слегка прижал губы к ее губам. На секунду-другую застыл в таком положении, затем с силой подался вперед, впиваясь губами в губы Ангелики. Рука Леопольдо обняла девушку за талию и прижала к груди.

Долгую минуту Леопольдо наслаждался вкусом губ девушки, затем наклонился к ее уху и прошептал:

– Ты еще не уехала, а я уже скучаю. Может, передумаешь?

– Не начинай опять, милый, – Ангелика открыла глаза, посмотрела на Леопольдо и запустила руку ему в волосы. – Мы же уже говорили об этом, и не раз.

– Знаю, знаю. Внутри меня как будто два человека: один понимает и отпускает, а второй не понимает и не хочет понимать, так и держал бы тебя рядом вечность... Иди ко мне, – Леопольдо лег на спину, просунул одну руку под тело девушки, вторую положил ей сверху на бок, напряг мышцы, подтянул Ангелику и уложил себе на грудь, затем одна рука обхватила девушку за затылок, вторая легла ей на щеку. Губы Леопольдо быстро нашли губы Ангелики.

– Я буду скучать по тебе, – Леопольдо заглянул в глаза девушке, пальцами провел по ее виску, приподнимая непослушную прядь волос.

– Я знаю, – Ангелика улыбнулась и поцеловала Леопольдо.

– И по твоим нежным губам буду скучать.

– Знаю, – еще один поцелуй расцвел на губах Леопольдо.

– И по твоему божественному телу, – ладони Леопольдо скользнули вниз по спине Ангелики, забрались под халат и легли девушке на ягодицы, ощутили нежность кожи, спустились к талии, опять вернулись к ягодицам.

– Знаю, – еще один поцелуй.

– По этой изумительной попке без трусиков.

– Знаю, – и поцелуй.

– По этим великолепным ножкам, – ладони Леопольдо оказались на бедрах Ангелики.

– Знаю, – и поцелуй.

– Все ты знаешь, – вздохнул Леопольдо. – А тебе известно, что две недели я буду без секса?

– Разве это большой срок?

– Большой, особенно когда у меня такая красotka как ты.

– Потерпишь, – улыбнулась Ангелика.

– Потерплю, но чтобы легче терпелось мне, придется не дать тебе сегодня спать, – Леопольдо перекатился на живот, подмяв под себя Ангелику.

– Или ты против? – ладонь Леопольдо легла девушке на бедро.

– Нет, не против, – сверкнула белозубой улыбкой Ангелика, выждала мгновение и добавила:

– На всю ночь тебя все равно не хватит, – сказав это, девушка рассмеялась звонким смехом.

– Что ты сказала?! – Леопольдо открыл рот. – Не хватит, говоришь? Это меня-то не хватит?

Ангелика пискнула, смех оборвался, когда ее губы оказались атакованными губами Леопольдо.

– Значит, не хватит, говоришь? – Леопольдо развязал пояс халата Ангелики, отбросил полы в стороны. Взгляд с предвкушением пробежался по обнаженному телу девушки, распростертому под ним.

– Не хватит, – игривая улыбка появилась на губах Ангелики, в глазах заплясали огоньки, язычок выскользнул из чудесного ротика и затанцевал на губах.

Леопольдо хмыкнул, встал на колени и развязал пояс, сбросил халат с плеч и предстал перед девушкой в чем мать родила. С некоторым удовольствием Леопольдо отметил про себя заинтересованный взгляд Ангелики, пробежавший по его телу с короткой задержкой в области паха.

– Ты зря это сказала, – Леопольдо поднял рукой ногу девушки и забросил себе на плечо, прижался к ней щекой, поцеловал, потянул носом, наслаждаясь запахом тела Ангелики. Ноздри без труда уловили ароматы одного из гелей для душа, которыми пользовалась девушка – смесь персика, молока и шоколада.

Леопольдо закрыл глаза и снова потянул носом, будто хотел на как можно дольше запомнить эти ароматы. Губы снова коснулись нежной кожи Ангелики, затем снова и снова, выстраивая невидимую дорожку, устремившуюся к бедрам девушки.

Леопольдо снял с плеча ногу Ангелики, сам же приник губами к ее животу, затем переместилась на грудь, спустился к нежной коже внутренней стороны бедер. Поцелуи посыпались на тело Ангелики, точно из рога изобилия. Девушка закрыла глаза и закусилла нижнюю губу. Тихие постанывания вырывались из ее груди и тревожили тишину спальни.

Леопольдо прижался к тазу Ангелики и навис над ее лицом, губы коснулись горячего лба девушки, щек, влажных, трепетавших, будто на ветру, половинок губ. Леопольдо ощущал кожей лица горячее дыхание девушки, кожей тела – дрожь ее тела, пахом – жар ее лона. Грудь девушки, как будто кто придавил тяжелой плитой, с такими усилиями она поднималась и опускалась. Тело Ангелики покрылось испариной, заблестевшей в свете ночника алмазной россыпью.

Леопольдо приподнял таз и запустил ладонь между ног девушки. Стон вырвался из груди Ангелики, когда рука Леопольдо коснулась ее половых губ, мокрых и жаждущих. Улыбка коснулась губ Леопольдо. Он наклонился к уху девушки и прошептал:

– Так говоришь, меня надолго не хватит? Думаю, ты права. Я выдохся. Как насчет того, чтобы пожелать друг другу спокойной ночи и лечь спать?

Леопольдо заметил, как веки Ангелики дрогнули, глаза открылись, недоверие и удивление сменили томное выражение во взгляде девушки, но и они быстро сникли, уступив место негоднованию.

– Ты это серьезно? – дыхание Ангелики обожгло лицо Леопольдо. Рука девушки юркнула между ног Леопольдо, схватила того за пенис и потянула вниз по направлению к пышущей огнем промежности.

– Ты мне хочешь его оторвать? – Леопольдо ухмыльнулся и приподнял таз, тем самым отдалив пенис от жаждущей его вагины.

– Лео, ты знаешь кто? – Ангелика повторила усилие, но все было напрасно, Леопольдо не поддавался. – Я убью тебя, но сначала оторву тебе... – девушка не договорила, так как Леопольдо оторвал руку Ангелики от своего пениса, двинул тазом вперед и резким движением

вошел в ее лоно. Ангелика закричала, грудь выгнулась колесом, зубы до крови впились в нижнюю губу.

Леопольдо снова двинул тазом, погружая пенис глубже в лоно девушки. Новый крик, еще более громкий, заставил тишину без оглядки броситься из комнаты.

– Я люблю тебя, моя горячая, – пробормотал Леопольдо, целуя Ангелику.

– А я тебя ненавижу, – простонала девушка, пытаясь сдержать очередной крик, рвущийся из груди на свободу, затем приподняла голову и приникла губами к губам Леопольдо.

Час спустя Леопольдо выбрался из постели, чтобы выключить ночник, горевший над трюмо, затем вернулся в кровать. Ангелика придвинулась к нему, свернулась клубком и положила голову на его грудь. Леопольдо провел рукой по волосам девушки.

– Я люблю тебя, amoге mio⁴¹, – шепнул он в темноту.

– И я тебя, милый, – донеслось из темноты, затем губы Ангелики отыскивали его губы, чтобы подарить ему поцелуй на ночь, после чего девушка положила голову на подушку, не забыв уткнуться лбом в плечо Леопольдо.

Через минуту-вторую Леопольдо услышал справа от себя тихое, ровное сопение, улыбнулся, перевернулся на бок и обнял девушку, на мгновение прижал губы к ее лбу и закрыл глаза. Сон не заставил себя долго ждать, тенью проник в сознание, и вскоре реальность дрогнула и исчезла, растворилась в бесконечном потоке иллюзий.

На следующий день, рано утром, Леопольдо отвез Ангелику на железнодорожный вокзал, помог занести в купе поезда сумки с вещами. Потом, когда они вернулись на платформу, долго держал девушку в объятиях – все никак не мог проститься, прижимал Ангелику к груди, шептал на ухо слова любви, тербил волосы рукой, гладил по спине, аромат ее туалетной воды вдыхал с таким упоением, словно это был аромат божественной амброзии. Улыбка не покидала лица Леопольдо, он шутил, но на душе было грустно. Они расставались на неполные две недели, а ему казалось, как минимум на год.

Сегодня Ангелика виделась Леопольдо особенно красивой, хотя и одета была просто, и косметики на лице был минимум. Как известно, глаза влюбленного, которому предстоит разлука с любимой, смотрят иначе, чем глаза обычного влюбленного и тем более глаза человека, чье сердце не пронзено стрелой Амура. Даже в своих любимых синих джинсах, желтой футболке с рисунком-сердечком на груди и белых кроссовках Ангелика была для Леопольдо красивее любой сказочной принцессы. Предстоящая разлука только усиливала его любовь, заставляла сердце стучать быстрее, а губы целовать губы девушки крепче. Леопольдо чувствовал, что ему не хватает поцелуев, не хватает объятий, прикосновений. Будь его воля, он бы усадил Ангелику в машину и отвез домой, закрыл бы в спальне и не выпускал, пока не образумится. Ему не раз хотелось так поступить, только вот Ангелика ему это вряд ли когда-нибудь простит. Поэтому ему ничего не оставалось, как довольствоваться этим жалким количеством поцелуев, объятий и надеяться на скорейшую встречу в Милане.

Леопольдо держал Ангелику в объятиях до последнего, лишь отправление поезда заставило его разомкнуть объятия и, скрепя сердце, отпустить девушку. Он видел, как поезд тронулся с места, видел, как Ангелика помахала ему из окна купе и даже послала воздушный поцелуй. Он махнул ей в ответ, до последнего надеясь на то, что девушке так же не хочется расставаться, как и ему. Но надежды рассыпались песочными домиками под набегом морской волны, когда он увидел, как расцвела на губах девушки улыбка от осознания того, что поезд отправляется, и уже сегодня она будет дома.

Хвост поезда давно растворился вдали, а Леопольдо все стоял и смотрел ему вслед, потом, словно очнувшись от глубокого сна, покинул платформу и вернулся на стоянку, где

---

⁴¹ Любовь моя (ит.)

оставил машину. Забравшись в машину, достал из кармана джинсов мобильник и застучал по клавишам, набирая сообщение.

"Не забудь мне позвонить, когда будешь во Флоренции... Ты только уехала, а я уже скучаю... Я люблю тебя, моя далекая любовь".

Леопольдо нашел среди списка контактов Ангелику и отправил сообщение, подождал, когда придет отчет о доставке, завел двигатель и покатыл по улочкам Аретто.

Леопольдо только вошел в квартиру, когда заиграл мобильник. С излишней поспешностью метнул руку в карман джинсов за телефоном, взглянул на экран. Душевный недавний подъем сник, когда вместо ожидаемого номера Ангелики, он увидел на экране номер матери.

– *Доброе утро, мама*, – Леопольдо поднес мобильник к уху.

– Доброе утро, Леопольдо. Зашла на рынок, купила много всего и решила позвонить узнать, не спите ли. Не хочу, чтобы ты опять на меня кричал перед своей полентонэ.

– Нет, мамá. Мы уже не спим...

– Тогда выйди на улицу и помоги мне с сумками, – перебила сына Паола Витале. – Я уже здесь.

Леопольдо хотел что-то сказать, но из динамика понеслись короткие гудки, взметнул руки вверх в жесте: "Это мамá. Что с нее возьмешь", оставил мобильник в прихожей на комод, открыл входную дверь и вышел на лестничную площадку. Спустившись на улицу, Леопольдо увидел мать, разговаривавшую с синьором Гацци. Возле Паолы Витале стояла небольшая сумка, доверху наполненная съестным. Леопольдо поискал глазами еще одну, так как помнил, что мать говорила о сумках, а не о сумке, но сумка оказалась одна.

– Доброе утро, синьор Гацци, – Леопольдо поздороваться со стариком, как обычно не выпускающим изо рта сигару. – Мамá, ты же говорила про две сумки, но я вижу только одну.

– Эта сумка как две, Леопольдо, – отозвалась Паола Витале. – Возьми ее в руку и сам убедишься. Синьор Гацци говорит, что твоя полентонэ уехала, а я ничего об этом не знаю. Как так?

Леопольдо посмотрел на синьора Гацци, тот пустил колечко дыма и пожал плечами, извиняясь.

– Ангелика уехала в Милан, – признался Леопольдо.

– *Узнает мама сейчас об отъезде Ангелики или потом, не так уж и важно. Рано или поздно все равно узнала бы*, – подумал он, разглядывая белые облака на бирюзовом небе.

– А когда вернется?

– Не знаю.

– Как это ты не знаешь? Твоя полентонэ уехала, а ты не знаешь, когда она вернется?

– Мамá, я тебя прошу уже два миллиона раз не называть Ангелику полентонэ! – вскинулся на мать Леопольдо. – Ангелика ее зовут! Ангелика! Когда ты это уже запомнишь?! Или ты мне назло так говоришь?!

Отъезд Ангелики, увольнение – все это не могло пройти бесследно. Когда-то плотину должно было прорвать. Прорвало сегодня. К несчастью для Паолы Витале она оказалась рядом.

Женщина лупнула глазами два раза на Леопольдо, посмотрела на синьора Гацци, будто хотела убедиться, что тот все слышал, но старик мысленно находился не здесь – курил сигару и блуждал взглядом по цветочным горшкам на балконах.

– Леопольдо, ты почему на меня кричишь?! – Паола Витале не осталась в долгу перед сыном, взмахнула руками, словно собиралась взлетать и взглянула на старика. – Синьор Гацци, вы слышите, как он со мной разговаривает? А это все та полентонэ. Вы помните, каким он был до ее появления? Всем хвалилась, какой у меня хороший сын. Какой жених. А посмотрите, что с ним сделала эта полентонэ.

– Беда-то какая, – синьор Гацци помотал головой, улыбнулся Леопольдо и продолжил: – Паола, мне бы такую полентонэ, у меня появились бы крылья. Ей богу! Если бы моя Бьянка была такой же красавицей, как Ангелика, я даже забыл бы о существовании других женщин.

– Что вы такое говорите, синьор Гацци? Слышала бы это бедная Бьянка. Боже, упокой ее душу, – Паола Витале перекрестилась. – Какая хорошая была у вас женушка, синьор Гацци, а вы такое про нее говорите. Ой, йей, – женщина снова перекрестилась и бросила: – Молодые из-за любви глупеют, а старики из-за старости, – сказав это, Паола Витале скрылась в подъезде дома.

Синьор Гацци рассмеялся, посмотрел ей вслед, затем повернул голову к Леопольдо.

– У тебя хорошая фиданцата, Леопольдо. Послушай, что я тебе скажу, – старик выпустил колечко дыма и наклонил голову к Леопольдо. – Я заканчиваю уже седьмой десяток на этой прекрасной планете, многое повидал, многое узнал. И вот что я тебе хочу сказать. Если ты любишь свою фиданцату и хочешь, чтобы она радовала тебя своим присутствием каждое утро до конца твоей жизни, не тяни долго с женитьбой. Таких, как Ангелика, очень мало. У нее есть и душа и тело. Обойди весь Ареццо, но второй такой не найдешь. Посмотри на старшую дочку синьоры Риччи. Хозяйка она, может, и хорошая, не спорю, но будь я даже помоложе, ни за что не лег бы с ней в одну кровать, – старик рассмеялся, закашлялся, а спустя минуту, откашлявшись, продолжил. – Мы, итальянцы, как никто другой знаем толк в красивых женщинах, только вот бог нас ими не слишком радует, – старик снова рассмеялся. – Поэтому, как только твоя фиданцата вернется, бери ее за руку и тащи в мэрию, а то и в церковь. Жизнь штука ненадежная, не успеешь оглянуться, а она уже и закончилась.

Слушая старика, Леопольдо подумал об Ангелике, взглянул на часы. Ангелика должна была уже добраться до Флоренции, но почему она не звонит? Он же просил ее. Неужели, предвкусывая скорое возвращение домой, девушка успела забыть о нем.

Леопольдо почувствовал, как в груди зашевелилась обида. Сердце защемило.

– Я тебе честно скажу, мой друг, – будто из глубины до ушей Леопольдо донесся голос старика, – женитьба это самая глупейшая вещь, которую только может совершить мужчина, но... – старик подмигнул Леопольдо, улыбнулся, – но если и совершать глупости, то только из-за красивых женщин.

Веселый смех синьора Гацци снова заполнил улицу, вспугнул голубя, что-то высматривавшего на асфальте у его ног, заставил улыбнуться Леопольдо.

– *А ведь синьор Гацци прав, – подумал Леопольдо. – Второй как она не найти. Ради нее я даже согласился оставить работу и переехать в другой город. Чего я медлю? Если бы мы были женаты, не думаю, чтобы Ангелика вернулась в Милан. Ей пришлось бы считаться со мной.*

– Как вы правы, синьор Гацци! – воодушевление охватило Леопольдо. – Такой как Ангелика больше не найти. Как только приеду в Милан, сразу заведу с Ангеликой разговор о свадьбе. Вы не поверите, синьор Гацци, но ради нее я оставляю работу в Ареццо и уезжаю в Милан, только не говорите об этом матери. Не хочу, чтобы она узнала об этом раньше времени.

– Ну почему не поверю, поверю, – стариковские губы изогнулись в улыбке. – Твоя мать все же кое в чем права, Леопольдо: молодые и, правда, из-за любви глупеют, – старик рассмеялся. – Но глупость, совершенная из-за любви, пожалуй, самая оправданная из всех глупостей. Вот что я тебе скажу: жизнь без глупостей – это не жизнь. Жизнь надо прожить так, чтобы ни о чем не жалеть, когда старуха с косой постучит в твою дверь. Я вот до сих пор жалею о том, что когда-то не закрутил роман с женой пекаря Алонсо, того самого, что умер от удара молнии десять лет назад. И что, что она на тридцать лет была меня моложе? Судя по тому, как она строила мне глазки, она была совсем не против близких отношений. Вот видишь, Леопольдо, соверши я эту глупость, ни о чем бы сейчас не жалел, а так, умру, сожалея, – старик рассмеялся, махнул рукой и двинул вниз по улице. – Пойду, мне надо еще в магазин зайти.

Леопольдо проводил старика взглядом, поднял сумку, оставленную матерью, и направился домой.

Глава 6

Когда Леопольдо вернулся домой, Паола Витале, щуря глаза и сопя от усердия, бегала по комнатам квартиры с пылесосом в одной руке и мокрой тряпкой в другой, в поисках только ей видимых пылинок, затем перебралась на кухню и принялась за готовку.

Леопольдо отнес сумку с продуктами на кухню, прошел в зал и опустился на сидущку дивана, затем потянулся к пульту от телевизора на журнальном столике. Экран телевизора, стоявшего у стены напротив дивана, вспыхнул и озарился светом. Леопольдо нашел спортивный канал и вернул пульт на столик, затем оперся спиной о спинку дивана и побежал взглядом по экрану, где в записи показывали один из матчей Чемпионата Италии по футболу. Но Леопольдо недолго смотрел телевизор, мысли об Ангелике не давали покоя, все тревожили сознание, заставляли нервничать. Ангелика давно должна была уже добраться до Флоренции, если его мысленные расчеты верны, то сейчас девушка в самолете, который направляется в Милан. Леопольдо взглянул на настенные часы над диваном. Часы показывали начало одиннадцатого утра. Максимум через час Ангелика будет дома.

Леопольдо достал из кармана мобильник, нашел в телефонной книге номер Ангелики. Появилось желание не ждать звонка девушки, самому позвонить и узнать, как она, но передумал, вспомнив, что Ангелика в эти минуты в самолете, а значит, ее телефон, скорее всего, отключен. Леопольдо положил мобильник на журнальный столик, принялся и уловил в воздухе аромат риболлиты, одного из своих любимых овощных супов. Леопольдо улыбнулся. Кто-то, а мать как никто другой знает, как угодить сыну.

Леопольдо лег на спину и побежал взглядом по белому как мука подвесному потолку. Из телевизора неслись вопли болельщиков и возбужденный голос комментатора матча, но Леопольдо оставался безучастным к происходящему на экране телевизора. В его памяти всплыл недавний разговор с синьором Гацци. Действительно, почему он только сейчас подумал о том, чтобы жениться на Ангелике. Они встречаются два года, живут вместе полтора. Он любит девушку, так чего же ждет? Почему не берет за руку и не ведет в мэрию? Синьор Гацци совершенно прав, говоря, что второй такой как Ангелика не найти. Странно, но еще с самого начала их отношений он решил, что когда-нибудь они с Ангеликой обязательно поженятся. Может, это "когда-нибудь" уже наступило? Сколько еще ждать? Год? Три? Десять?

Нет, десять лет это не для него. Вот его однокласснику Фернандо, с которым он время от времени ходит в бар пиво пить, десять лет и не предел. Со своей Агнесой он лет десять живет и ничего, не спешит оформлять отношения. Все фиданцатится. Только вот будь Ангелика такой же страшненькой, как Агнеса, и он не спешил бы жениться. Зачем? На такое добро все равно никто не позарится. То ли дело Ангелика. В памяти Леопольдо всплыл эпизод с длинноногим блондином, то ли немцем, то ли скандинавом, когда они с Ангеликой ездили в Римини. Нет, он не может больше ждать. Красивая девушка, как искусное дорогое ожерелье, не успеешь оглянуться, уведут.

– Как только приеду в Милан, сразу предложу Ангелике оформить наши отношения официально. Хватит ждать. Это сокровище для меня слишком дорого, чтобы оставлять его без присмотра.

Такие мысли подействовали на Леопольдо как мясо на собаку, взгляд ожил, настроение улучшилось, на лице появилась довольная улыбка. Теперь и телевизор стал для него как ларец с чудесами, Леопольдо повернул голову и приклеился взглядом к экрану. Возбуждение комментатора передалось и ему, и уже спустя минуту по квартире разносился подхваченный Леопольдо клич болельщиков: "Оле! Оле! Оле! Оле!".

В гостиную заглянула синьора Витале, улыбнулась, заметив радостное выражение на лице сына, и вернулась на кухню. На журнальном столике ожил мобильник. Леопольдо бросил

взгляд на экран телефона, улыбка стала шире, когда он увидел номер звонившего, точнее звонившей. Это была Ангелика.

Леопольдо приглушил звук телевизора, нажал клавишу приема звонка и прижал мобильник к уху.

– Ciao, amore mio⁴².

– Ciao, милый. Я уже в Милане, взяла такси и еду домой.

– Как здорово, – улыбнулся Леопольдо, чувствуя, как в груди полноводной рекой разливается воодушевление. – Как прошел полет?

– Великолепно. Познакомилась с очень интересным молодым человеком...

– Молодым человеком? – Леопольдо напрягся.

– Да, молодым человеком. Теодоро его зовут. Молодой врач из Флоренции, летел на конференцию в Милан.

– И о чем вы договорились?

– Эй, милый, ты опять меня ревнуешь? – звонкий смех Ангелики резанул Леопольдо по уху. – Перестань. Мы всего лишь поговорили и обменялись визитками.

– Тебе действительно надо было брать у него визитку?

– Лео, милый, ну перестань. Если хочешь, я выкину визитку Теодоро.

– *Конечно хочу! Хочу слышать, как ты ее рвешь!* – хотел воскликнуть Леопольдо, но удержался от возгласа.

– Прости, – Леопольдо вздохнул, чувствуя вину. – Просто я так сильно тебя люблю, малышка. А еще я очень сильно по тебе соскучился.

– Милый, я тоже тебя люблю и тоже соскучилась.

– *Тогда почему не позвонила, когда была во Флоренции? Я же просил,* – Леопольдо снова удержался от комментария, вспомнив о скором (разве полторы недели это срок?) браке с Ангеликой.

У Леопольдо появилось желание поговорить с Ангеликой о женитьбе прямо сейчас, не откладывая разговор в долгий ящик. И желание это только усилилось, когда он услышал о Теодоро. Тем не менее, Леопольдо постарался как можно скорее забыть о возникшем желании, справедливо полагая, что такой серьезный разговор стоит вести не по телефону, а стоя лицом к лицу, держа любимую за руку и смотря ей в глаза. Вместо этого Леопольдо сказал:

– Милая, у меня есть к тебе очень важный разговор.

– Правда? Какой?

– Не сейчас, моя любовь. При встрече.

– Лео, сказал А, скажи и Б.

– При встрече, мое самое драгоценное сокровище, я тебе скажу и Б, и В, и даже Ч, – рассмеялся Леопольдо.

– Обещаешь?

– Обещаю, моя любовь.

– Договорились, – голос Ангелики ожил. – Лео, я подъезжаю к дому родителей. Вижу маму с папой во дворе. Давай позже созвонимся.

– Давай, милая.

Из динамика, словно пули из дула автомата, понеслись короткие гудки. Леопольдо нажал клавишу "отбой" и бросил мобильник на сидущку дивана рядом с собой.

– Скоро, моя любовь, ты станешь синьорой Витале, – пробормотал Леопольдо, улыбаясь. – Станешь моей женой, а я – твоим мужем. Какое-то время проживем в Милане, затем вернемся в Ареццо. Я возьму кредит в банке, и мы купим дом, в котором будем жить с нашими детьми долго и счастливо, – от этой мысли Леопольдо рассмеялся, сердце наполнилось сча-

---

⁴² Привет, любовь моя (ит.)

съем от такой перспективы, он вскочил с кровати, собираясь пуститься в пляс, но тут в залу вошла Паола Витале.

– Леопольдо, я приготовила кушать. Идем на кухню. Я столько всего наготовила. Живя со своей пол... Ангеликой, ты, небось, уже и забыл, что такое хорошо питаться. Посмотри на себя. Худой какой.

Находясь под впечатлением от нарисованной в своем воображении картины счастливого будущего с Ангеликой, Леопольдо приблизился к матери, обнял ее за плечи и произнес:

– Идем, мамá. Напомнишь сыну, что значит хорошо питаться.

Лицо Паолы Витале расцвело широкой улыбкой. Женщина собралась что-то сказать, но только махнула рукой. Уже входя на кухню, Паола Витале подняла голову и посмотрела на сына.

– Ты мне так и не сказал, когда возвращается Ангелика. Если она уехала надолго, ты можешь приходить в отчий дом и кушать с нами.

– Ангелика уехала надолго, мама, – Леопольдо решил сказать правду. – Ей предложили работу в Милане. Когда она вернется, я не знаю, как не знаю и того, вернется ли она вообще.

– Правда?! – воскликнула Паола Витале и остановилась на пороге кухни, растерянное выражение появилось на ее лице, но не прошло много времени, как кончики губ женщины изогнулись в радостной улыбке. – Какая новость, Леопольдо, какая новость... Идем скорее кушать. Риболлита стынет.

Едва узнав, что Ангелика уехала в Милан и, быть может, даже не вернется в Ареццо, Паола Витале решила основательно взяться за обустройство жизни собственного сына. На следующий день, а это было воскресенье, Леопольдо встречался с одним из старых друзей, Тизиано. Они как раз обсуждали новую машину Тизиано, когда позвонила Паола Витале и попросила сына не опаздывать на ужин, так как она пригласила гостей.

Новость Леопольдо не понравилась. Уж очень довольным был голос у матери. Он бросил взгляд на часы. Маленькая стрелка только пустилась в путь к семи часам, большая – застряла на пяти минутах. Леопольдо подумал, что неплохо бы вернуться домой пораньше, чтобы успеть принять душ к приходу гостей. Несмотря на вечернее время на улице было жарко, и его рубашка с коротким рукавом успела пропитаться потом, с запахом которого не могла справиться и туалетная вода.

Леопольдо попрощался с Тизиано, вскочил в машину и поехал домой. Когда он подъезжал к дому, его охватило непонятное волнение, которое только усилилось, едва он приблизился к двери собственной квартиры. За дверью отчетливо слышались голоса. Похоже, гости также решили прийти раньше.

Леопольдо прислонил ухо к двери и прислушался. Голос матери он узнал сразу, а вот чтобы узнать другие голоса, ему пришлось напрячь память.

– Ну, конечно же! – хмыкнул Леопольдо, узнав голоса. – Синьора Риччи и Софи. Кому же это еще быть, как не им... И когда же она утомонится? – Леопольдо вспомнил о матери. – Нет, на такое чудо и надеяться не стоит.

Леопольдо вытащил из кармана ключ и сунул в замочную скважину, провернул, голоса стихли. Леопольдо открыл дверь и вошел в квартиру. Из кухни появилась Паола Витале, раскрасневшаяся, улыбающаяся, в фартуке и с руками, испачканными в тесте.

– Привет, Леопольдо! Как хорошо, что ты уже пришел! У нас гости!

– Кто?! – в притворном изумлении воскликнул Леопольдо.

– Хорошие люди, Леопольдо. Синьора Риччи и Софи, чуть позже придет отец, синьор Риччи и Агата.

– Как здорово! А что празднуем?

– Празднуем? Ничего не празднуем. Собрались поужинать вместе, будто одна большая семья.

– Здорово, мама. Пойду приму душ, – сказал Леопольдо и направился в ванную.

В зале ни синьоры Риччи, ни Софи не оказалось. По всей видимости, они помогали матери на кухне. Ничего, поздороваться с ними он еще успеет. Хорошее расположение духа еще не успело покинуть Леопольдо, поэтому он совсем был не против поиграть в игру, которую затеяла его мать. Скоро они с Ангеликой поженятся, и тогда матери придется сдаться, а пока пусть потешит свое самолюбие.

Леопольдо пробрался в ванную и спустя мгновение уже стоял под теплой струей воды. Он любил мыться в теплой воде и даже горячей, но только не в холодной. Холодная вода в душе, заставлявшая его тело испытывать сильный стресс, никак не укладывалась в его понятие *la dolce vita*.

Приняв наскоро душ, Леопольдо выбрался из душевой кабинки и потянулся за полотенцем. К своему удивлению, на вешалке, где оно обычно висело, полотенца он не обнаружил. Леопольдо окинул взглядом ванную в поисках полотенца или чего-нибудь такого, что можно было использовать взамен, но в ванной как будто ветер пронесся – ни полотенца, ни даже банного халата, который, он хорошо это помнил, еще утром висел на вешалке рядом со злополучным полотенцем.

Недовольное выражение появилось на лице Леопольдо, когда он догадался, кто был тем невидимым таинственным ветром. Конечно же, это могла быть только его мать, решившая в очередной раз приубраться в квартире.

Леопольдо посмотрел на брюки и рубашку, которые он снял перед тем, как забраться в душевую кабинку. Одевать на мокрое тело их ему совершенно не хотелось. Оставалось подождать, пока тело обсохнет или... Леопольдо не любил ждать, для этого ему часто не хватало терпения, поэтому ухватился за второй вариант выхода из сложившейся ситуации. Он приблизился к двери ванной комнаты, приоткрыл ее и выглянул. Вокруг было ни души, только с кухни неслись голоса – его матери, синьоры Риччи, и время от времени к этим двум доминирующим голосам присоединялся тонкий голосок Софи.

Леопольдо собрался, было, проскочить в спальню, где в шкафу находились полотенца, но передумал, осознав, что его мокрые ноги оставят следы на дорожках и коврах, уложенных на полу по всей квартире. Мокрые следы на дорожках, оставленные его пятками, матери это точно не понравится.

Леопольдо посмотрел в сторону кухни, откуда все явственнее доносились изумительные ароматы. У него появилась еще одна идея, и как многие гениальные идеи она оказалась такой же простой.

– Мама! – Леопольдо решил привлечь мать на помощь. Голоса на кухне стихли.

– Леопольдо?! Ты звал меня?! – в коридоре появилась Паола Витале.

– Звал. Принеси мне, пожалуйста, чистое полотенце. После твоего вторжения в ванной стало нечем вытереться.

– Сейчас, Леопольдо, будет тебе полотенце.

Леопольдо прикрыл за собой дверь и опустился на корточки. Умиротворение, наполненное легкой грустью и тоской, наполнило его сердце, когда он вспомнил об Ангелике. Хотелось услышать ее голос, а еще лучше обнять, ощутить губами нежность ее губ. Ничего, пройдет совсем немного времени, и тогда он не только увидит девушку, но и обнимет ее, поцелует, не спеша, вдоволь наслаждаясь ощущениями в груди, а потом, когда его губы захотят разнообразия, он начнет покрывать поцелуями шею девушки, грудь, поласкает соски, спустится к животу. Мечтательная улыбка тронула губы Леопольдо, когда он представил, как это все будет происходить вживую.

– Это тебе, Леопольдо, – услышал Леопольдо над головой.

Леопольдо вскочил от неожиданности. Рука инстинктивно прикрыла пенис.

– Софи? Ты тут что делаешь?

Девушка стояла на пороге ванной комнаты и держала в руках голубое, как небо ясным солнечным днем, полотенце. Накрашенные ярко-красной помадой губы исказила совсем не смущенная улыбка, взгляд девушки то и дело перепрыгивал с лица Леопольдо на его худощавое тело. Желтый сарафан плотно облегал полноватое тело. Волосы на голове девушки были уложены в нечто похожее на птичье гнездо.

– Я принесла тебе полотенце, – как ни в чем ни бывало, сказала Софи. – Держи.

– Спасибо, – Леопольдо протянул руку и взял полотенце.

Софи еще раз бросила взгляд на руку Леопольдо, за которой прятался, будто паук за шкафом пенис, развернулась и двинула на кухню.

Леопольдо закрыл дверь в ванную на защелку, вытерся полотенцем, затем повесил полотенце на вешалку и оделся.

– Пожалуй, игра матери затянулась. Пора с ней кончать, – пробормотал он, открыл дверь и вышел из ванной комнаты.

Леопольдо елозил ложкой по тарелке с аквакоттой⁴³, вылавливая грибы, и слушал щебет справа, где синьора Риччи с его матерью обсуждали недавнее посещение парикмахерской их совместной подругой синьоры Пеларатти. В канун своего дня рождения женщина захотела сделать химическую завивку волос. Сделала. Теперь носит парик, так как после похода в парикмахерскую волос у нее на голове осталось не так уж и много.

Происшествие с синьорой Пеларатти сильно позабавило Паолу Витале и синьору Риччи, они то и дело смеялись и не переставали отпускать шуточки по поводу новой прически синьоры Пеларатти.

Напротив Леопольдо сидели Софи и ее младшая сестра. Девушки все время о чем-то шептались и хихикали, то и дело бросали веселые взгляды на Леопольдо. По левую сторону от Леопольдо сидели его отец и синьор Риччи. Мужчины, в отличие от своих жен, большей частью уделяли время еде, а не разговорам, если же и начинали заговаривать, то ограничивались небольшими комментариями о газетных новостях.

Леопольдо то и дело посматривал на часы, думая о том, когда же семейство Риччи встанет из-за стола и начнет прощаться, желать спокойной ночи и всяческих благ семейству Витале. Злился когда понимал, что это знаменательное событие произойдет не скоро, так как время было еще довольно-таки раннее, начало девятого.

Леопольдо хотел как можно скорее взять в руки мобильник и позвонить Ангелике. К несчастью, для этого ему пришлось бы оставить гостей и перебраться в спальню, но поступив так, он рисковал навлечь на себя недовольство матери. Казалось, он так и слышал ее слова: «Как это так, Леопольдо? У тебя гости дома, а ты занимаешься своими делами».

С каждой минутой настроение Леопольдо портилось все больше. Совсем некстати в памяти всплыло недавнее происшествие в ванной комнате с Софи. К сожалению для Софи она не относилась к представителям женского пола, которым позволялось лицезреть Леопольдо в обнаженном виде. Прошло уже сколько времени, а Леопольдо до сих пор продолжал ощущать неловкость в груди. Нельзя было сказать, что он относился к стеснительным людям, но вот скромным был наверняка. Леопольдо злило даже не то, что Софи увидела его в чем мать родила (ну или почти увидела), а то, что в эти минуты девушка, судя по всему, обсуждала это происшествие с сестрой. Леопольдо злился и на мать, ведь кто как не она надоумила Софи принести Леопольдо в ванную полотенце, тем самым показать заботливость девушки. Злился Леопольдо и на себя, так как вполне можно было догадаться закрыть дверь на защелку, а не оставлять ее открытой. Кто ж знал, что вместо матери полотенце принесет Софи. Мать в таких случаях стучит, а вот Софи этому простому жесту приличия, видно, никто не научил.

Аппетит у Леопольдо пропал окончательно.

---

⁴³ Традиционный суп центральных регионов Италии

– Леопольдо, ты почему не ешь? – услышал Леопольдо голос матери.

– Нет аппетита, – признался Леопольдо, откладывая ложку в сторону.

– И настроения, вижу, у тебя тоже нет. Что случилось?

– Ничего не случилось.

– Может, вам с Софи стоит пойти погулять куда-нибудь? Проветришься, авось и настроение улучшится. Софи, ты же не против сходить с Леопольдо прогуляться? – Паола Витале посмотрела на девушку. Та лишь мотнула головой и бросила короткий взгляд на Леопольдо.

– Софи не против, Леопольдо, поэтому бери девушку и идите, погуляйте. Я правильно говорю? – Паола Витале обвела взглядом собравшихся за столом, словно судья присяжных.

– Правильно, правильно, – поддержала подругу синьора Риччи. – Иди Софи с Леопольдо. Нечего с сестрой шушукаться. Пошушукаешься с Леопольдо, – синьора Риччи рассмеялась, груди не иначе как шестого размера запрыгали под платьем баскетбольными мячами по площадке.

– *Да не хочу я никуда идти!* – чуть было не вырвалось у Леопольдо. Идти он действительно никуда не хотел, ни сам, ни тем более с Софи. Он любил Ангелику, поэтому даже просто пойти куда-нибудь с другой девушкой для него было равносильно измене. Любовь к Ангелике была для Леопольдо тем фактором, который сосредотачивал все его мысли и желания на Ангелике, служил лучшим предохранителем от соблазнов окружающего мира, как мнимых, так и реальных.

– Нет. Если вы не против, я хотел бы остаться дома, – сказал Леопольдо. – Мне завтра на работу.

– Никуда работа от тебя не убежит, Леопольдо, – настаивала Паола Витале. – Пойди с Софи, погуляйте перед сном.

Леопольдо чувствовал, как внутри поднимается волна сопротивления. Желание матери свести его с Софи начинало его нервировать. Почему она вмешивается в его жизнь? Неужели то, что она мать, дает ей хоть какое-либо право на это?

Узнай Паола Витале о том, какие мысли ожили в эти минуты в голове ее сына, она бы ужаснулась, а вот Ангелику она могла бы даже возненавидеть, так как, по ее убеждению, именно благодаря этой северянке ее сын и начал от нее отдаляться. Но Ангелику вряд ли стоило винить. Скорее виноватой была любовь Леопольдо к девушке, любовь, которая требовала от него храбрости и самостоятельности в отношениях с родителями, особенно с его матерью. Для Паолы Витале это было что-то новенькое, к тому же таким непохожим на ее сына, которого она всегда знала как верного и любящего сына, готового по первому ее зову забраться к ней под крыло. То, каким Леопольдо становился под влиянием чувства к Ангелике, особенно на второй год их отношений, когда они начали жить вместе, конечно же, не могло оставить ее безучастной. О полном отдалении сына от матери речи не было – сказывалось воспитание Леопольдо, в котором почитанию родителей отводилась едва ли не главенствующая роль. Но и того, что было, Паоле Витале видеть не хотелось, поэтому любые предпринимаемые ею попытки образумить сына, то есть вернуть его под родительское крыло, были для нее оправданными и необходимыми. Были для нее, но не для Леопольдо, который почувствовав вкус свободы и теплое тело Ангелики под боком, несколько не собиравшись возвращаться под родительское крыло. Разве что кроме ужинов в родительском гнезде он ничего не имел против, конечно, если они происходили не каждый день. Все же время, проведенное вместе с Ангеликой, Леопольдо ценил больше, чем ужин в доме родителей.

– Мама́, у меня нет никакого желания идти гулять. К тому же, как я могу идти гулять с другой девушкой, когда у меня есть фиданцата?

– Что ты такое говоришь, Леопольдо? – после небольшой заминки, вызванной словами сына, спросила Паола Витале. – О какой фиданцате ты толкуешь? Нет у тебя уже никакой фиданцаты.

– У меня есть Ангелика. Она и есть моя фиданцата. Или ты уже забыла об этом?

– Эта полентонэ, как я всегда и говорила, карьеристка. С такими как она и муж, и дети несчастны. Карьеристкам не семья нужна, а карьера. Где сейчас твоя, так называемая фиданцата? Что-то я ее не вижу, – Паола Витале повертела головой по сторонам. – Вернулась на Север, а про тебя уже и забыла давно. Зачем нам такая фиданцата? – Паола Витале взглянула на синьору Риччи в поисках поддержки.

– Такому красавцу как ты, Леопольдо, совершенно не нужна, – закивала та, соглашаясь с подругой, при этом хлопая ресницами в сторону Леопольдо. – Вот посмотри на мою Софи, – синьора Риччи перевела взгляд на старшую дочь. – С такой как она и муж будет ухожен, и дети накормлены. Я не удивлюсь, если твоя фиданцата уже успела найти тебе замену там, куда уехала. Карьеристки они такие. У них ни совести, ни чести нет... Что я только вспомнила, Паола, – синьора Риччи распахнула глаза и посмотрела на мать Леопольдо. – Ты знаешь дочку синьоры Конти? Марию Терезу?.. Ой, что я только знаю, Паола! Сейчас она работает продавщицей в магазине, а совсем недавно была простой уборщицей в этом же магазине. А ты знаешь, Паола, как она стала продавщицей? – синьора Риччи замахала руками, разволновавшись. – Говорят, она, прости меня, Господи, переспала с синьором Джиордано, владельцем этого магазина. Ужас-то какой!

– Вот-вот, послушай, Леопольдо, что синьора Риччи говорит. Вот на что способны карьеристки. Ничего святого для них нет. Господи, спаси, убереги.

Леопольдо молчал, уставившись взглядом в тарелку перед носом и пытался унять хаос, возникший в голове. Ему хотелось сорваться, наговорить грубостей, нахамить. Как только они могут сравнивать Ангелику с какой-то там Марией Терезой? Это же все равно, что сравнивать чистое, девственное небо с грязной, использованной каждой землей.

– *Они ничего не понимают*, – думал Леопольдо, сдерживая себя из последних сил. – *Они не знают, что говорят. Ангелика не такая. Она совсем не такая. Она любит меня, а я люблю ее, и совсем скоро мы поженимся.*

Совсем некстати память подбросила "подарки" в виде воспоминаний о Винченцо, который спит и видит в своей кровати Ангелику, а еще этот чертов Теодоро, врач из Флоренции, который летел с Ангеликой в Милан.

– *Что вам всем надо от Ангелики!* – хотелось заорать Леопольдо.

– *Она моя! МОЯ! Она не такая как другие! И скоро мы поженимся!*

– Что вы пристали к Леопольдо? – вступился за сына Умберто Витале. – Оставьте моего мальчика в покое. Прости меня, Паола, но его сердце лучше тебя знает, с кем оно хочет провести остаток жизни.

– Что ты такое говоришь, Умберто? Помолчи лучше. Не вмешивайся не в свое дело. Я не хочу, чтобы у нашего мальчика жена была карьеристкой, даже еще хуже – карьеристкой-полентонэ.

– Мы скоро поженимся, – пробормотал Леопольдо, сосредоточившись на собственных мыслях. – Мы скоро поженимся.

– Что ты там бормочешь, Леопольдо? – Паола Витале взглянула на сына. – Если что-то говоришь, то говори громче, чтобы тебя могли слышать все.

– Мы скоро поженимся, – Леопольдо повысил голос. – Слышишь, мамá? Мы скоро поженимся.

– На ком это ты решил жениться, Леопольдо? – Паола выглядела удивленной.

– Мы скоро с Ангеликой поженимся, – Леопольдо посмотрел на мать.

– Что за глупости ты такие говоришь, Леопольдо? Ты что, никак не можешь понять, что твоя полентонэ оставила тебя?

– Да перестань же ты называть Ангелику полентонэ! – вскипел Леопольдо, едва не ударив ладонью по столу. – Сколько раз тебя можно просить?! Это ты никак не можешь понять, что

мы давно все с Ангеликой спланировали! Она уехала в Милан, а скоро и я к ней присоединюсь. И хочешь ты этого или нет, но мы поженимся. По-же-ни-мся, – Леопольдо сверкнул на мать глазами, затем будто опомнился, опустил взгляд и уставился в столешницу.

Тишина воцарилась в квартире. Паола Витале сидела с открытым ртом. Пораженный взгляд был устремлен на сына. Ресницы хлопали с только им понятной частотой, то быстро-быстро, то медленно-медленно, словно у них заканчивался заряд. Синьора Риччи что-то выискивала глазами в своей тарелке. Синьор Риччи исподлобья поглядывал на жену. Агата и Софи переглядывались, время от времени посматривая на родителей. И только Умберто Витале улыбался, правда, прятал улыбку, опустив голову и рассматривая скатерть на столе.

– Как ты сказал, Леопольдо? – Паола Витале очнулась, посмотрела по сторонам, перевела взгляд на сына. – Ты хочешь уехать на Север к своей пол... фиданцате? – казалось женщину не так беспокоила вспышка ее сына, как его желание уехать из Ареццо. – Ты хочешь оставить нас с отцом, Леопольдо? А ты подумал, как мы будем жить без тебя? А работа... Ты что, надумал уволиться, Леопольдо? – в глазах Паолы Витале зажегся огонек недоверия, быстро сменившийся ужасом. – Этот ты так шутишь, да, Леопольдо? Скажи, что ты пошутил, – слезы набежали на глаза Паолы Витале.

Леопольдо почувствовал, как дрогнуло сердце, а на лбу выступила испарина.

– Это правда, мамá. Через неделю я еду в Милан к Ангелике... Прошу прощения, – Леопольдо поднялся из-за притихшего стола, – мне надо позвонить Ангелике, пока она не легла спать.

Леопольдо вошел в спальню, включил свет и закрыл за собой дверь на защелку. Тело его трусило, ладони вспотели. Он не хотел этого, не хотел видеть слезы на глазах матери, не хотел кричать на нее. Так получилось.

Леопольдо прижался спиной к двери. Странное чувство овладело им. С одной стороны он чувствовал вину, с другой – целый океан удовлетворения растекался в груди. Самое трудное осталось позади. Он не хотел сообщать матери об отъезде до самого отъезда, так как знал, какой будет реакция матери на его решение. Но теперь она знает, осознание этого будто сняло тяжелую каменную плиту с плеч Леопольдо, придало ему сил и уверенности в будущем.

– Все будет хорошо, – прошептал Леопольдо и улыбнулся, вспомнив об Ангелике. – Я соскучился, моя невероятная, и хочу тебя слышать.

Леопольдо достал из кармана штанов мобильник, приблизился к кровати, лег и набрал номер Ангелики.

Леопольдо только закончил разговаривать с Ангеликой, положил мобильник на тумбочку и устремил взгляд за окно, туда, где ночь черной краской выкрасила мир, но сделала это как-то по-по-дилетантски оставив множество белых точек на спящем небосводе. Тишина заглядывала в окно, каким-то неведомым образом проникала в комнату и дальше. Леопольдо слышал, как ушло семейство Риччи, не забыв пожелать всего хорошего семейству Витале. И сейчас в квартире было так же тихо, как и на улице.

– *И родители ушли,* – подумал Леопольдо, вслушиваясь в тишину. – *Хотя нет, они не могли уйти не попрощавшись. Отец уж точно.*

Укол совести заставил его снова пожалеть о том, как он обошелся с матерью. В очередной раз Леопольдо укорил себя за несдержанность и в очередной раз пообещал себе на будущее быть более сдержанным. Должно быть, так на него подействовал долгий разговор с Ангеликой, его волшебной любовью. В эти минуты Леопольдо ощущал, как в груди ширится и ширится безграничное спокойствие, словно мир исчерпал себя на всевозможные злоключения и напасти, и единственное, что осталось – это море благодати, добра и надежды. Даже то, что уже вторая ночь пройдет в этой комнате без Ангелики, не могло поколебать те светлые чувства, что теплились внутри Леопольдо. Да и к чему печаль. Через неделю он увидит Ангелику, а там будет много, очень много ночей, проведенных в объятиях друг друга.

В дверь постучали. Леопольдо отвернулся от окна и посмотрел на дверь, затем поднялся на ноги, прошел к двери и открыл ее.

– Не помешал? – Умберто Витале взглянул на сына и улыбнулся.

– Нет, папá, проходи, – Леопольдо отступил в сторону, освобождая проход.

Умберто Витале прошел в комнату и опустился на один из стульев, подпиравших комод по бокам. Леопольдо прикрыл за отцом дверь и вернулся на кровать.

– Хотел поговорить с тобой, – Умберто Витале оперся спиной о спинку стула. – Ты уже окончательно решил перебраться на Север?

– Да. Через неделю еду в Милан.

– И что дальше? Где будешь жить? Деньги чем будешь зарабатывать? – Умберто Витале не упрекал, даже голос не повышал, казалось, он был совершенно не против переезда сына, только хотел выяснить беспокоившие его детали.

– У родителей Ангелики квартира, но мы с Ангеликой хотим жить отдельно. Наверное, снимем квартиру. Работу Ангелика обещала подыскать. Говорила, у ее отца есть друг, адвокат, директор юридической фирмы, возможно у него найдется для меня работенка.

– Хорошо, – Умберто Витале кивнул и потер пальцами подбородок. Судя по легкой улыбке, появившейся у него на лице, ответом сына он остался доволен. – У тебя есть какие-то сбережения на первое время, если вдруг работу придется подождать?

– Есть немного.

– Хорошо, – повторил Умберто Витале. – Перед отъездом зайдешь к нам с матерью домой, я дам тебе еще немного.

– Спасибо.

– О матери не беспокойся. Рано или поздно она смирится с судьбой и примет Ангелику в качестве невестки. Ангелика хорошая девушка, может, не идеальная, но хорошая. И чтобы ни говорила Паола, Ангелика будет хорошей матерью. Когда вы надумали расписаться?

– Э-э-э... вообще-то мы об этом с Ангеликой еще не говорили, – смущенная улыбка коснулась губ Леопольдо. – Решил, как только приеду в Милан, так сразу же поговорю с Ангеликой.

– Ну, если надумал, тогда бог тебе в помощь, – Умберто Витале поднялся на ноги и направился к двери. – Если ты действительно хочешь, чтобы Ангелика была твоей женой, то и тянуть нечего, смело бери Ангелику под руку и веди в мэрию. Если чувствуешь, что твое, тогда держи и не отпускай... Я поеду домой. Мать на тебя все еще обижается, поэтому уехала с семейством Риччи. Но уверен, ты не успеешь лечь спать, как она позвонит пожелать тебе спокойной ночи. Идем, проводишь меня, – Умберто Витале открыл дверь и вышел в коридор.

Они оделись и спустились на улицу, где у дороги стоял старенький "фиат" отца Леопольдо. На улице было тихо и тепло. Из окон домов, стоявших по обе стороны улицы, рекой лил свет, смешивался со светом фонарей, тем самым возвращая миру некое подобие светлого времени суток.

– Ты же нам с матерью сообщишь, когда надумаешь вести Ангелику в мэрию? – Умберто Витале улыбнулся и похлопал сына по плечу. – Иначе твоя мать будет обижаться на тебя до конца жизни, если не будет присутствовать при росписи своего единственного сына. Ты только представь, что о ней будут говорить люди. Она этого точно не переживет, – Умберто Витале рассмеялся.

– Конечно, сообщу, – улыбнулся Леопольдо. – Как только наметим с Ангеликой день, сразу позвоню и сообщу, чтобы вы заранее готовились.

– Вот теперь я могу ехать, – кивнул Умберто Витале, забираясь в салон машины. – Не забудь перед отъездом в Милан зайти к нам с матерью домой.

– Не забуду.

Умберто Витале завел двигатель, махнул рукой сыну на прощание и, не спеша, покатил по улице. Леопольдо проводил машину отца взглядом до ближайшего поворота, затем развернулся и направился домой, провожаемый тусклым светом фонарей.

Глава 7

Леопольдо боялся, что следующая неделя, неделя без Ангелики, будет тянуться долго, чертовски долго для его любящего сердца. К счастью работа и хлопоты, связанные с переездом, не позволяли ему надолго погружаться в океан грусти и тоски. И все же выкинуть мысли об Ангелике из головы надолго Леопольдо не удавалось. Когда становилось особенно тяжело, он брал в руки мобильник, набирал номер Ангелики и наслаждался разговором с девушкой. Только вот днем времени для разговоров почти не было, так как и у него, и у Ангелики дневное время занимала работа, но вот вечером, особенно перед сном (раньше получалось редко, так как Паола Витале настояла на том, чтобы после работы Леопольдо ехал домой к родителям на ужин) они говорили часто и подолгу. Так Леопольдо узнал, что Ангелика подыскала им небольшую квартиру на Виа Джорджио Савоя в Милане недалеко от станции метро Abbiategrasso Chiesa Rossa. В отличие от Леопольдо у Ангелики не было машины, поэтому наличие станции метро рядом с домом девушку не могло не радовать.

Нежелание Ангелики покупать машину было для Леопольдо еще одной монеткой в копилку его непонимания девушки. Леопольдо считал, что собственная машина – обязательный атрибут собственной *la dolce vita*, как и собственный дом. Но для Ангелики *la dolce vita* заключалась в первую очередь в здоровом образе жизни, поэтому она предпочитала передвигаться по городу преимущественно на своих двух, к тому же постоянные пробки на дорогах и дорогой бензин только подкрепляли ее уверенность в необоснованности покупки собственной машины. Для Леопольдо такое отношение Ангелики было странным, но не более, большей частью он благосклонно смотрел на такие странности девушки, так как все остальные элементы его *la dolce vita*, а именно собственный дом, деньги, семья, дети, для Ангелики были также важны, как и для него самого.

Леопольдо обрадовался, когда услышал от Ангелики, что с жильем в Милане проблемы у них уже нет, но обрадовался он еще больше, когда узнал, что синьор Ломбарди, тот самый друг отца Ангелики, у которого имелась своя юридическая фирма, готов взять Леопольдо на работу. Отсутствие для Леопольдо каких-либо хлопот, связанных с поиском квартиры и работы в Милане окончательно прогнали из его сердца грусть и печаль, и теперь дня отъезда он ждал даже с нетерпением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.